

Женский исторический роман

КАМЕНЬ ВЛАСТИ

Ольга
ЕЛИСЕЕВА

Женский исторический роман

Ольга Елисеева

Камень власти

«ВЕЧЕ»

2009

Елисеева О. И.

Камень власти / О. И. Елисеева — «ВЕЧЕ»,
2009 — (Женский исторический роман)

ISBN 978-5-4444-7454-9

В далеком Париже маг и вечный скиталец граф Сен-Жермен показывает своим покровителям, Людовику XV и маркизе Помпадур, удивительный камень – алмаз Дерианур, «Море света», некогда украшавший лоб индийской богини Тары. Теперь камень ищет нового хозяина. Тот, кто его получит, обретет небывалое могущество и встанет во главе поднимающейся империи. Сен-Жермен отправляется в Россию, где должен встретиться с претенденткой на престол – великой княгиней Екатериной Алексеевной. Братство посвященных готово оказать будущей императрице помощь при захвате власти, но хочет получить гарантии грядущих реформ. Екатерина дает обещание... Книга выходила ранее в серии «Мастера исторических приключений»

ISBN 978-5-4444-7454-9

© Елисеева О. И., 2009
© ВЕЧЕ, 2009

Содержание

Глава 1. Человек без имени	6
Глава 2. Alma Mater	16
Глава 3. Шотландский шиповник	23
Глава 4. Гнездовье орлов	28
Глава 5. Като	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Елисеева

Камень власти

© Елисеева О.И., 2009

© ООО «Издательство «Вече», 2009

* * *

Глава 1. Человек без имени

Сентябрь 1759 года. Франция

Белые стены Шамбора, увенчанные синими остроконечными крышами, отражались в свинцовых водах. Колеса прогрохотали по арочному мосту.

– Как тихо, – гость маркиза Мариньи впервые за время поездки прервал молчание. – Странно: здесь ничего не изменилось. Даже кусты. Обычно природа меняется быстрее зданий.

Мариньи тревожно оглянулся на своего спутника и ничего не ответил. Главный смотритель изящных искусств чувствовал себя не в своей тарелке в обществе этого любезного пятидесятилетнего дворянина со смуглым лангедокским лицом, изысканными манерами и неизменной улыбкой, дрожавшей на тонких губах.

– Вы напрасно боитесь меня, – мягко сказал гость. – Поверьте, все слухи обо мне сильно преувеличены.

– Я? Боюсь? – Мариньи болезненно поморщился. Он действительно был сильно напряжен, но как человек властный не любил, когда его уличали в слабости.

– Не важно, – гость снова улыбнулся. – Вас к этому подталкивает моя репутация. – Но поверьте, я лишь скромный консультант Его Величества и исполняю маленькие поручения за границей. Я ведь много путешествую.

– Так вы путешественник? – Ответная улыбка Мариньи вышла натянутой.

– Можно сказать и так, – кивнул гость. – Хотя вернее было бы выразиться иначе. Я занимаюсь науками, но – не ученый. Музыкой, но не музыкант. Живописью, но не художник. Дипломатией, но не посол...

– Вам не кажется, – не выдержал маркиз, – что этими загадками вы только подогреваете к себе нездоровый интерес и еще больше губите свою репутацию?

– Я просто человек, у которого нет имени, – усмехнулся гость. – А какая репутация может быть у того, кого нельзя назвать?

– Моя кузина называет вас графом де Сен-Жермен.

– Дени де Сен-Жермен, – кивнул гость. – Но с таким же успехом маркиза могла называть меня любым другим именем. Я бы не обиделся. Это псевдоним. Правда, я использую его чаще, чем другие. Он мне дорог, потому что детство я провел в аббатстве Сен-Жермен недалеко от Парижа. И уже тогда Его Величество осчастливил меня своей защитой.

– Защитой? От кого?

– У всех в этом мире есть враги, – лицо графа стало непроницаемым. – Теперь я могу оказывать Его христианнейшему Величеству маленькие услуги. А благодарность в числе моих пороков.

– И для своих «маленьких услуг» вы выбрали Шамбор, замок, овеянный самой дурной славой?

– Прелестная постройка, – возразил граф. – Только людское предубеждение делает ее таинственной и даже мрачной. Впрочем, это место для моей химической лаборатории выбрал не я, а ваша дражайшая кузина, маркиза де Помпадур. Ей показалось забавным, что человек, которого считают магом, обладателем философского камня и эликсира бессмертия, поселится там, где более двухсот лет назад великий Нострадамус встречался с Екатериной Медичи...

Пухлый томик Вийона перелетел через комнату и ударил механическую птичку в голову. Соловей чирикнул на самой высокой ноте и, захлебнувшись, упал на ковер.

– Какая фальшь! – Маркиза де Помпадур, сама похожая на райскую птицу, откинулась в кресло у стола. – В следующий раз скажите королю, пусть не посылает мне заводных игрушек, вместо того чтоб прийти самому.

Ее компаньонка мадемуазель дю Оссет бросилась подбирать с полу останки соловья. Она прекрасно знала, что госпожа не столько капризничает, сколько играет в каприз. С таким стальным характером, как у Туанон Помпадур, жалобы, слезы, обмороки и истеричная нежность просто исключались. Но «бедняжке Мари» таки придется рассказать Его Величеству, как гневалась «прекрасная коротышка», и в доказательство предъявить целый фартук позолоченных пружинок и винтиков – все, что осталось от заводного соловья.

Дю Оссет протянула руку за книгой, и в этот момент из ее распахнутых страниц на ковер выпорхнул сложенный вчетверо листок желтой бумаги с золотым обрезаем.

– Что это, Мари? – Маркиза наклонилась вперед. – Могу поклясться, минуту назад письма не было.

«Клянись чем хочешь, кошка! – подумала компаньонка. – У тебя в каждом томике стихов по любовной библиотеке». Она беспрекословно протянула госпоже бумажку и выжидающе уставилась на маркизу.

Капризная маска быстро стекла с лица Помпадур.

– Он уже здесь, Мари! – воскликнула она. – Это чудо! Я не ожидала его так скоро.

– Кто, мадам? О ком вы говорите? – Компаньонка редко видела, чтоб маленькие живые глазки Туанон светились таким восторгом.

– О графе Сен-Жермене, глупая! – Холеные пальцы маркизы нервно постукивали по листам книги. – Он вернулся. Он всегда возвращается. Мари! – в голосе Помпадур слышалась неколебимая уверенность. – У нас большая радость и масса дел! Граф де Сен-Жермен...

Глаза мадемуазель дю Оссет напоминали блюдца от чайного сервиза.

– Вы говорите о том господине, который, по слухам, как многие утверждают... Хотя, конечно, это полная чепуха... Маг, волшебник и чародей, живущий вечно?

– Мари, – маркиза встала и взяла компаньонку за руку, – это очень важный и очень уважаемый человек. И никакие толки о нем вроде: «полная чушь» или «живущий вечно» – неуместны. – В тоне Туанон было столько откровенного приказа, что мадемуазель дю Оссет не могла не подчиниться. – Когда я была еще маленькой девочкой, – уже мягче продолжала Помпадур, – не обращавшей на себя ничьего внимания, он встретил меня в гостях у моей тетки и предсказал любовь короля, власть, сказочное богатство... Словом, – маркиза обвела рукой свои покои, – все это.

Дю Оссет смотрела на госпожу с легким удивлением. Кто бы мог подумать, что у женщины, столько лет вертящей самым капризным и апатичным монархом Европы, такое пылкое воображение!

– Конечно, я ему не поверила, – продолжала маркиза. – Как ты не веришь мне сейчас. Но потом, через много лет мы снова встретились уже здесь, в Версале, и я принесла ему свои извинения. Поверь, он умный и преданный друг французского королевского дома и... наш с тобой. – Помпадур лукаво улыбнулась. – Принеси мне бумаги и чернил. Я собираюсь потребовать от брата отчет о том, как он довез гостя. Нас ожидает море чудес!

Через три дня граф, еще толком не устроившись на новом месте, развлекал маленькое, но изысканное общество, сопровождавшее Людовика XV. Комизм ситуации заключался в том, что Сен-Жермен – чужак на берегах Луары – рассказывал хозяевам об их замке и окрестностях такое, что они могли узнать только от него.

– Говорят, здесь бывала Кровавая Медичи? – произнес маркиз де Мариньи, потягивая ликер из крошечного стаканчика.

– Говоря-ят, – граф загадочно улыбнулся, поддразнивая слушателей.

– Расскажите! Расскажите! – захлопала в ладоши мадемуазель дю Оссет.

– Если это доставит вам удовольствие, – Сен-Жермен склонился перед ней в шутовском поклоне. – Вон в той комнате со звездным потолком Нострадамус поставил на стол свинцовое зеркало, призвал духа по имени Аноэль и предложил королеве-матери задать ему вопрос.

– О чем же спросила моя прапрапрабабушка? – осведомился Людовик, который, судя по скептическому выражению лица, не верил ни единому слову гостя.

– О том, что ее беспокоило больше всего, – живо откликнулся граф. – Она недолго колебалась, потом твердо взялась руками за край стола и потребовала у духа ответа на вопрос о судьбе своих сыновей. Сколько проживет каждый из них? Затем в зеркале появились фигуры принцев, танцевавших колдовской танец. Тот, что обычно исполняют в обществах Данс Макабра, кружась под музыку. Аноэль сказал, что столько раз, сколько повернется каждый из принцев, столько лет и отделяют его от смерти. Сначала возник Франциск II, и он повернулся всего три раза. Потом Карл, позднее названный IX, его время составляло девять кругов. Генрих III описал шестнадцать, а Франсуа Анжуйский – четырнадцать. Трудно передать горе женщины – очень сильной, но все же женщины, – которой сообщили, что она переживет своих детей. Никто и не думал, что Екатерина Медичи способна на такую бурю чувств! Если вы посмотрите столешницу, то там справа на дубовой крышке есть характерные щербинки, оставленные ее кинжалом. Тогда дамы носили кинжалы на длинной цепочке, шедшей от пояса.

Последнюю реплику мало кто услышал. Все ринулись в соседнюю комнату осматривать стол.

– Вот! Вот эти зарубки! – воскликнула мадемуазель дю Оссет.

– В самом деле. – Маркиза Помпадур высоко подняла шандал, и старинное убранство комнаты озарилось колеблющимся светом.

– Вот здесь она сидела, – сказал граф, входя следом за остальными. – Тогда в моде были громоздкие венецианские кресла с очень высокой и прямой спинкой из резного дерева. Обычно черного. Кровавая Медичи вскочила так поспешно и отбросила стул с такой силой, что его спинка раскололась.

– Откуда вы все это знаете? – с улыбкой осведомился Людовик. Он стоял позади придворных в дверях и почему-то не пересекал порога таинственной комнаты. Любезная гримаса на его лице призвана была скрыть скептическое выражение.

– У меня хорошая память, – серьезно ответил Сен-Жермен. – Я много читал и всегда запоминал детали.

– Только и всего! – рассмеялась Помпадур. – Как невинно!

– А вы, маркиза, желали бы, чтоб я сознался в бессмертии? Как Вечный жид? – Сен-Жермен подал Помпадур руку, чтоб проводить ее обратно в гостиную. – За это до сих пор можно попасть на костер. В крайнем случае получить пожизненное заключение где-нибудь в папской тюрьме в замке Святого Ангела, например...

Мадемуазель дю Оссет позвонила в серебряный колокольчик.

– Подавайте кофе.

Церемонный дворецкий поклонился и исчез за дверью. Вскоре стол был сервирован новыми приборами, появились засахаренные фрукты, сладкие орешки в шоколаде, конфеты с серой амброй – слабым афродизиак, позволявшим гостям расслабиться и вести непринужденную беседу.

Король порылся в кармане и выложил на стол крупный голубой бриллиант с заметным белесым пятном на боку.

– Взгляните, граф. – Людовик жестом пригласил гостя взять камень в руки. – Я слышал, вы можете вывести эту муть.

Сен-Жермен прищурился и начал поворачивать бриллиант, поднеся к свече.

– Прекрасный цейлонский алмаз, – наконец сказал он. – Редкого отлива. И гранение хорошее. Я всегда считал, что высокая индийская роза – лучшая обработка для камней яйцевидной формы.

– Он вам знаком? – осведомилась маркиза де Помпадур, склоняя набок свою крошечную птичью головку. – Говорят, камни такой величины – большая редкость и каждый имеет свою историю.

– Да. Но я бы не стал принимать все на веру. Об этом говорят, например, что вместе с парным бриллиантом он служил глазом статуе древней богини Тары и был похищен в XV веке алчным жрецом, который стал его первой жертвой.

Гости затаили дыхание, хотя самому графу история казалась тривиальной.

– По другой версии, Голубой алмаз попал в Европу гораздо раньше, вместе со странствующими рыцарями-крестоносцами и осел у катаров в Лангедоке, – продолжал Сен-Жермен. – Когда ересь была разгромлена, таинственных сокровищ так и не нашли. Говорят, что последние альбигойцы в 1328 году скрылись с ними в пещере Ломбрив, где были заживо замурованы королевскими войсками. Ровно через двести пятьдесят лет сам Генрих Наваррский пришел отдать им дань скорбной памяти, и ему как потомку графов де Фуа вышедшие из подземного озера старцы вручили свое сокровище – Голубой алмаз. С тех пор удача не покидала Францию. Впрочем, это тоже лишь легенда. – Сен-Жермен улыбнулся, всем видом показывая, сколь мало значения следует придавать людским пересудам. – Что Ваше Величество намеревается делать с камнем?

– Я хотел бы увеличить его цену. – Людовик вздохнул. – Идет война, и обстоятельства могут сложиться так, что я решу с ним расстаться. Ответьте, можно ли уничтожить это пятно?

– Теоретически все возможно. – Сен-Жермен повертел камень в руках. – Однако я не стал бы избавляться от этой дымки. Пятно – душа камня. – Граф улыбнулся. – Это значит, что когда-то на него дохнула сама Мать Всего Сущего. Белиссена, как говорят в Южной Франции. От ее дыхания в глубине затеплилось маленькое облачко, подарившее алмазу жизнь. Сейчас там живет крошечный дух, Принц Камня. Я могу попробовать уговорить его уйти. Тогда бриллиант станет совершенен. Но абсолютно мертв. Как мертв его близнец. Хотите я покажу вам парный алмаз?

Гости, явно не ожидавшие такого поворота дела, издали вздох удивления. Сен-Жермен поднялся, вышел в смежную комнату, служившую кабинетом, порылся в резной индийской шкатулке черного дерева и извлек из нее бархатный мешочек.

– Вот, – граф вытряхнул на стол другой камень, размерами и огранкой точь-в-точь соответствовавший Голубому, но имевший теплый зеленовато-золотой отлив.

– Но они разные! – воскликнул король. – По цвету, я имею в виду.

– У богини Тары было два глаза, – невозмутимо пояснил граф. – Один голубой, другой зеленый. Правым она смотрела на запад, левым – на восток. А зрачок только один. Тот глаз, в котором он находился, был глазом мудрости и милосердия. Тот же, что оставался пуст, – гнева и разрушения. Чтоб сохранить равновесие мира, пятно перемещалось из одного камня в другой.

– Готова поспорить, что у этого алмаза тоже есть свои истории. – Мадемуазель дю Оссет приготовилась слушать.

– Сколько угодно, дитя мое, – кивнул граф. – Он зовется «Великий Могол». Его первый владелец Надир Шах. Я был с ним коротко знаком. Кровавый убийца, но чрезвычайно талантливый человек. Он назвал бриллиант «Дерианур», что значит «Море Света».

– Все это прекрасные легенды, – сказал король. – Их приятно слушать, глядя на драгоценности, праздно лежащие на столе. Но, если я решу продать свой камень, все изменится. – Людовик бросил взгляд на плотного лысоватого мужчину в скромном бархатном камзоле

без вышивки. До сих пор он смиренно сидел в стороне, не проронив ни слова, словно беседа «больших господ» не имела к нему никакого отношения. – Сейчас метр Гонто, мой безжалостный банкир, дает за камень шесть тысяч ливров, – продолжал король.

Метр Гонто поклонился.

– Без пятна камень будет стоить десять. Беретесь ли вы обогатить меня на четыре тысячи?

– Для чего Вашему Величеству пустяковая сумма, когда, обладая этим бриллиантом, вы обладаете всеми сокровищами мира? – улыбнулся Сен-Жермен. – Но коль скоро вы жаждете от них избавиться, я готов помочь. Королевская воля – закон. – В голосе графа прозвучало столько иронии, что Людовик поморщился. – Химическая реакция по выведению пятна займет около недели. Вы готовы оставить камень здесь?

Король кивнул.

Было далеко за полночь, когда гости начали разъезжаться.

– Он тебе не понравился? – с грустью спросила короля маркиза де Помпадур, оказавшись с ним наедине в карете.

– Он странный человек, – нехотя отозвался Людовик. – Ты не находишь, что Медичи, Генрих IV, Надир Шах, катары... для одного вечера многовато? И для одной жизни тоже.

– Нет, – покачала головой женщина. – Если эта жизнь длится вечно.

Король с шумом выдохнул воздух.

– Я не люблю шарлатанов, рассказывающих о себе невесть что!

– Он не шарлатан! – запротестовала дама. – Ты сам говорил, что твой дед принимал его услуги. А «король-Солнце» знал, что делал.

– Теперь я король, – оборвал ее Людовик. – И сам решаю, чьи услуги принимать.

Оба знали, что это неправда. В обычной жизни Луи был зависимым человеком и очень не любил спорить. Иногда Помпадур приходилось побуждать его к самым простым действиям – написать письмо или согласиться на аудиенцию. Почему в его покладистой безвольной душе обнаружилась такая неприязнь к милейшему любезнейшему графу, король и сам не знал.

– Но ты все же не противился встрече и даже оставил ему камень, – возлюбленная мягко подтолкнула Людовика в бок.

– Только ради твоего удовольствия, *mon ami*. Только ради твоего удовольствия. – Губы Луи сложились в усталую улыбку. – Я же знаю, как ты любишь возиться с самыми странными и опасными чудаками. Взять хотя бы твоего Вольтера. Он пишет гнусности против французской короны и Церкви. Его никто не устраивает: ни папа, ни я, ни законы. Разве не я приговорил его книги к публичному сожжению? Разве не от меня он бежал в Швейцарию?

«Боже, какого ты о себе высокого мнения!» – в душе рассмеялась Помпадур.

– И что же? Что я вижу? – продолжал король. – В моем собственном доме моя обожаемая дама сердца переписывается с этим еретиком, посылает ему деньги... Я все прощаю тебе, *mon ami*. – Гнев, было сверкнувший в королевских глазах, погас. – Потому что ты неподражаема, восхитительна, прекрасна.

Помпадур знала, что в этот момент ей стоит пересесть к нему на колени и запрокинуть голову. Луи обвил рукой ее по-девичьи хрупкий стан и так сжал, что косточки корсета жалобно скрипнули.

– Потому что мне просто лень сердиться на тебя, мое сердце.

Начальный этап работы с бриллиантом занял у Сен-Жермена пару дней. Графу казалось, что он сумел разбудить духа Голубого алмаза и объяснить ему, что тот должен перейти в новый дом. Дух повиновался с радостью, но путь его был труден.

Поместив бриллиант в один из световых колодцев химической лаборатории, Сен-Жермен решил отдохнуть. Страхивая с пальцев следы от зеленого льва, граф вдруг услышал во дворе стук колес. К главному крыльцу подкатила элегантная карета с щегольскими рессорами красного дерева, и из нее вышел плотный человек в паричке набекрень. Сен-Жермен тотчас узнал в нем банкира Гонто.

– Приветствую вас, друг мой, – граф любезно улыбнулся гостю. – Что заставило вас покинуть столицу?

– Маркиза прислала меня к вам, – отдуваясь ответил толстяк. – По важному делу. В городе завелся некто Гов. Бывший откупщик и мелкий плут, не раз обанкротившийся должник, который теперь выдает себя за вас и собирает вокруг себя целые толпы сброда.

Сен-Жермен на мгновение ошеломился, не веря своим ушам.

– За меня? Забавно.

– Ничего забавного. – Метр Гонто снял парик и отер вспотевшую лысину платком. Он пророчествует невесть что! Грабежи, смуты, падение королевской династии, гибель Франции, двадцать пять лет террора, войн и братоубийства. Голод в Париже, иностранные войска на улицах... И выдает все это за ваши предсказания.

Граф окаменел.

– Маркиза, зная вашу скромность и сдержанность в прогнозах, специально послала меня к вам, чтоб сообщить об этом.

– Благодарю, друг мой. Благодарю, – протянул граф. – К несчастью, я знаю этого Гова. Пять лет назад я нанял его в Неаполе камердинером. Италия для меня – чужая страна. Мне было приятно иметь возле себя француза, слышать не заученные реплики, а живой язык... Вскоре он бежал, прихватив с собой кое-что из моих бумаг.

На полном лице метра Гонто отразился нескрываемый ужас.

– Так, значит... – Он не договорил, умоляюще глядя на графа и прося его опровергнуть страшные пророчества.

– О нет, не бойтесь. – Сен-Жермен знаком попросил банкира успокоиться. – Этот несчастный, как и все профаны, путает то, что может быть, и то, что действительно будет. Не предавайте значения тому коктейлю из знаний, которым он пичкает трактирную публику.

– Что же вы собираетесь делать? – спросил совершенно сбитый с толку метр Гонто.

– Я приму свои меры, – ободряюще улыбнулся Сен-Жермен. – Для начала попрошу вас отвезти меня в Париж и показать этого смутьяна.

– Я к вашим услугам, – банкир поклонился.

Через десять минут граф был готов в путь. Он сменил кожаный фартук, запачканный реактивами, на скромный, но дорогой камзол серого бархата, расшитый серебряной канителью. На голове, скрывая черные, как вороново крыло, волосы, сидел аккуратно напудренный парик. В руках толстая эбеновая трость с резной камеей в рукоятке. На губах неизменная улыбка.

– Едемте.

Путь до Парижа занял два часа. Граф хранил молчание. Оно не было напряженным. Скорее выдавало задумчивость и грустные мысли. Метру Гонто было от этого не по себе. Он предпочел бы развлечься беседой, порассказать о семье, о детях, о падении нынешнего оборота банков в связи с прусской войной. Спросить у чудного гостя, раз он такой завзятый пророк, скоро ли конец этой разорительной бойне с Фридрихом и куда выгоднее вкладывать деньги – в перевозки зерна из Нового Света или в индийский чай – тоже ведь мода пошла!

Но банкир не осмеливался прервать безмолвие, поскольку спутник казался очень огорчен и погружен в себя.

Париж встретил их мелким дождем. Начиналась осень. Над Сеной стоял туман, от которого колоссальные ковры плюща и дикого винограда, свисавшие с каменной облицовки набережных, отливали влажной изумрудной зеленью.

На улицах было немногочленно. В предместье Марэ карета остановилась у кабачка «Шпора».

– Я помню, как город разрастался, – тихо сказал граф. – Как на этом месте была пустошь, хорошо видная с Монфокона. После страшной Варфоломеевской ночи она издала вся казалась усеяна обрывками бумаги. Это белели рубашки убитых – ведь на людей нападали ночью, они едва успевали выскочить из постелей. Теперь мало кто вспоминает, что резню начали гугеноты, и не в Париже, а в Кагоре и Васи. Несчастных скидывали прямо в воду, и с обеих сторон призывали Бога.

– Я думаю, Бога не знали ни те ни другие, – мрачно заявил Гонто.

– Ошибаетесь, – с грустью отозвался спутник. – И те и другие узнавали Его, когда страдали во имя своей веры.

– Говорят, монахов подковывали, как лошадей, и расстреливали, привязав к деревьям, – сказал банкир. – Хорошо, что сейчас такое уже невозможно.

– Вы полагаете? – Сен-Жермен поднял бровь.

– Просвещение смягчает нравы, – отозвался Гонто.

– Но человеческую душу изменить нельзя, – покачал головой граф. – В ней, как и прежде, сильно наследил дьявол.

– Дьявол! – Дверь кабачка распахнулась, и из нее выскочил толстый францисканец в коричневой рясе. Лицо его было красным от выпитого вина, глаза горели. – Дьявол сидит там! Будь проклято это место! Поворачивайте назад. – Монах было вцепился в уздечку одной из лошадей, но кучер ловко отпихнул его кнутом, и борец с нечистой силой со всего размаху ткнулся задом в стену трактира.

– Эй, папаша, дом снесешь! – крикнул ему кучер, разворачивая карету так, чтоб господа, выходя, не угодили в лужу.

– Спешите на свидание с Сатаной? – ехидно осведомился монах. – Глядите, я вас предупреждал. Зло проникает в любую щелку.

– Возможно, я самая широкая дверь для зла, – усмехнулся граф и решительно спрыгнул на землю.

Банкир последовал за ним.

Кучер отворил дверь трактира, и спутники попали в битком набитый зал, где гомонили с полсотни посетителей. Толстые неопрятные девки разносили кружки вина, блюда красных вареных раков и зелень.

Сизый дым от трубок поднимался к закопченным балкам, и Сен-Жермен не сразу рассмотрел человека, стоявшего на одном из столов и вещавшего, обращаясь к толпе:

– Дома ваши опустеют, и поселятся в них пеликан и еж.

– Где-то я это уже слышал, – робко произнес банкир.

– Книга Исаяи. Глава 34. Стих 11, – процедил сквозь зубы его спутник.

– Реки Франции станут кровавыми, – завывал новоявленный пророк. – И в них не будет рыбы, но лишь мертвые тела составят улов ваш. Я это видел!

Сен-Жермен прищурился. Перед ним на столе возвышался действительно Рене Гов. Камердинер, вор и самозванец. Он был в растрепанном черном сюртуке, в руках сжимал мятую шляпу с дырявой тульей и чем-то напоминал протестантского проповедника. Только очень голодного. Его глаза в темных кругах на худом изможденном лице горели лихорадочным огнем.

Графу сделалось его жаль, ибо участь Гова была плачевна. Он выкрикивал в зал слова ворованной правды, которая обесценивалась, едва слетая с его языка. А вокруг люди пили,

ели, дрались и щипали за зады разносчиц, не обращая на пророка ровным счетом никакого внимания. Лишь несколько зевак внимали оратору почти без всякого любопытства. «Не мечите бисер перед свиньями», – усмехнулся Сен-Жермен.

– Бог не простит вам вашей слепоты!

– Да ладно тебе, слезай, – один из посетителей, видно коротко знакомый с Говом, потянул его за рукав. – Хозяин прислал нам блюдо пескарей. Он говорит, если ты к завтрашнему дню не придумаешь чего-нибудь новенького, он перестанет нас кормить. Посетители уже не клюют. А ты задолжал мне.

– Метр Гонто, – тихо сказал Сен-Жермен, – отзовите этого навязчивого парня из трактира, как будто бы собираетесь ему что-то предложить. Скажите, что заинтересовались речью его друга, просите выступить у себя дома в собрании масонского кружка... Словом, задержите его на улице.

Банкир кивнул, недовольно запыхтел и начал пробираться к столу, за которым сидел Гов и его друг. Когда последний удалился вслед за Гонто, граф без колебаний подошел к бывшему камердинеру.

– Здравствуйте, Рене.

Бедняга оторвал глаза от тарелки и чуть не поперхнулся рыбьей костью.

– Дьявол! – тоненько запищал он и хотел вскочить, но темные глаза графа приковали его к месту. – Дья-явол, – повторил он еще тише.

Как и раньше, на трепыхание трактирного пророка никто не обратил внимания.

– Ты знал, что я найду тебя, – с мягкой укоризной сказал Сен-Жермен. – Зачем же ты сбежал?

– Я боялся, – выдавил из себя несчастный камердинер. – Я больше не мог жить в страхе. За вами повсюду ходит ужас!

– А разве теперь ты не боишься? – спросил граф.

– Еще больше, – признался Гов. – С той самой минуты, как сбежал, я не могу ни спать, ни есть от страха.

– В многом знании много печали, – усмехнулся граф. – Твой бедный разум, Рене, не выдержал самых элементарных вещей. Разве я не предупреждал тебя, чтоб ты никогда не заглядывал в мои тетради? Не пытался понять вычислений? – Сен-Жермен укоризненно покачал головой. – Ты знаешь, какая сила у произнесенного слова? Многого можно было избежать. Но ты обрек этих людей. – Граф обвел глазами зал. – Кто тебя тянул за язык?

Бывший камердинер часто-часто затряс головой.

– Ты очень устал? – спросил граф, глядя в осунувшееся прозрачное лицо Рене.

– Да, – тот уронил голову на руки. – Очень.

– Попроси меня об этом сам, – тихо приказал Сен-Жермен. – Иначе я не смогу помочь.

– Пожалуйста, хозяин, – голос Гова звучал жалобно и тихо.

Граф поднял руку и указательным пальцем коснулся середины лба несчастного. Голова Рене опустилась на стол. Казалось, он уснул, хватив лишку. И снова никто не обратил на это внимания.

Граф встал и без особой спешки покинул трактир. В дверях он столкнулся с сияющим Жаком, который подбрасывал на ладони три золотые монеты.

Метр Гонто ждал спутника на улице.

– Все в порядке?

– Да, дорогой друг. Вы мне очень помогли. Больше этот безумец нас не беспокоит.

– Слава богу. Я так и скажу маркизе.

– Передайте ей от меня привет и искреннюю благодарность, – поклонился граф. – Да, вот еще что. Нет ли у вас знакомых среди ювелиров в Петербурге? Не могли бы вы рекомендовать меня им как специалиста по исправлению камней?

– Маркиза приказала мне оказывать вам любую помощь, – отозвался банкир. – А ее слово для меня закон.

– В благодарность за вашу услугу я берусь нарастить и исправить для вас те драгоценные камни, которые как-нибудь пострадали: были оцарапаны или обломились.

– Очень любезно с вашей стороны, – с сомнением протянул банкир. Он побаивался подвергать свои камни опасности в руках странного алхимика, о котором невеста что болтают.

Сен-Жермен усмехнулся, граф ясно увидел сейчас, как через неделю этот солидный недоверчивый делец совсем обезумеет от восторга и будет умолять его взять для исправления еще, еще камней...

Менее двух недель понадобилось для того, чтоб облачко в глубине Голубого алмаза растаяло, перекочевав в Дерианур, и затеплило в его сердцевине новую душу. Вместе с ним из талисмана Генриха IV уходили слава, могущество, удача христианнейшего королевства, которыми оно владело полтора века со смены династий. И эту жертву легкомысленный монарх принес добровольно. Даже не задумываясь о последствиях.

Его Величество захлопал в ладоши при виде работы таинственного графа и с восхищением подставил бриллиант под луч солнца, бивший из окна.

– Теперь он безупречен, – вздохнул Сен-Жермен. – Потому что мертв. А только жизнь терпит недостатки.

Но король пребывал в детском восторге.

– Сколько вы хотите за работу?

– Я и так получил самое драгоценное, – поклонился Сен-Жермен. – Душу камня. Чего же мне еще?

– Дорогой граф, вы чудак. – Людовик расплылся в улыбке. Он не любил платить. А маркиза де Помпадур и так дорого ему стоила. Ее гости тоже.

Когда карета увезла короля, Сен-Жермен спустился по лестнице на первый этаж. Метр Гонто ожидал графа в охотничьем зале. Одетый, как всегда, с подчеркнутой строгостью, банкир выглядел среди ветхих гобеленов и роскошной, но давно разошедшейся мебели аккордом чего-то нового и грозного, что неотвратимо надвигалось на великолепную рухлядь времен последних Валуа.

Впрочем, в лице самого банкира не было ничего воинственного. Добропорядочный буржуа, посчитавший бы величайшим несчастьем исчезновение ежеутренней чашки горячего шоколада и румяных булочек.

– Друг мой, – граф ласково взял метра Гонто под руку. – Вы оказали мне неоценимые услуги, отправив по моей просьбе несколько рекомендательных писем в Петербург. Я чрезвычайно признателен вам за хлопоты и хотел бы отплатить... добрым советом.

Банкир весь обратился в слух.

– Постепенно, не вызывая шума и не привлекая ничьего внимания, переведите свои капиталы за границу. – Граф кивнул в подтверждение сказанных слов. – Не сразу. Не бойтесь. Но в течение ближайших 30 лет и вы, и ваши дети должны покинуть эту несчастную страну и обосноваться в каком-нибудь более спокойном месте. В Лондоне, например.

Лицо метра Гонто вытянулось. Он был свидетелем слишком невероятных событий, чтоб не верить графу. Но, с другой стороны, его дело было слишком обширно, а связь с королевским двором слишком прочной, чтобы вот так сняться и уехать...

– Я же сказал: не сразу, – ободрил его Сен-Жермен. – 30 лет – немалый срок. Вы, метр, пожалуй, еще успеете понянчить в Париже внуков и даже благополучно почить в Бозе на Сент-Женевьевском кладбище. Но, думаю, и мертвому неприятно будет видеть осквернение своей могилы и разграбление монастыря, давшего ему последний приют. Поторопитесь.

Несколько минут метр Гонто молчал. По его лицу было видно, что он самым серьезным образом отнесся к предостережению графа.

– Так вы отправляетесь в Россию? – наконец проговорил банкир.

– Да, – кивнул Сен-Жермен. – Там собралось много занятных людей. С некоторыми из них мне следует познакомиться.

Глава 2. Alma Mater

Сентябрь 1758-го, за год до описанных событий. Москва

– Вы писали эти гнусности?

Свет бил в высокое университетское окно, вычерчивая кривобокие фигуры на темном дубовом полу. В его столбе кружилась золотая пыль, и было не по-осеннему тепло. Беспредметное счастье охватывало душу при взгляде на еще зеленые, разросшиеся вокруг здания бывшей царской аптеки липы, и в голове жужжала нахальная радостная мысль: «Чего это я, собственно, сюда притащился в такой день?»

– Это ваш почерк? – еще настойчивее зазвучал голос профессора Шнейдера. – Эти мерзости нарисованы вашей рукой? – Он говорил по-немецки, с жутким швабским акцентом, едва понятным ученикам.

Потемкин поморщился. «Я уж не прошу, чтоб ты по-русски разговаривал. Но на родном-то языке мог бы и постараться».

– Вам, юноша, я вижу, не нравится мое произношение? – рассвирепел профессор. – Вы обучались в пансионе Литке, не так ли? Там преподают берлинцы. Может быть, мне повторить свой вопрос?

Студент отрицательно покачал головой. Он стоял перед столом, за которым сидело чуть ли не все университетское начальство. Профессор Шнейдер держал в руках листы, исписанные размашистым почерком и изрисованные портретами собравшихся. Ни подходить ближе, ни смотреть не было нужды. Это почерк Потемкина, и разве он виноват, что слово «профессура» так легко срифмовалось со словом «дура», а лысина адъюнкта Румберга похожа на огурец?

Напротив проштрафившегося студента сидел сам куратор. Он заехал, как видно, ненадолго, прямо из дворца, и был в придворном платье. Императрица еще пребывала в Москве. Жаль, ах как жаль! Месяцем позже, и Шувалова уже никто не посмел бы беспокоить в Северной столице досужими письмами об исключении кого-либо из студентов.

Иван Иванович старался не смотреть в лицо еще недавно лучшего, а сегодня гонимого из стен alma mater ученика. Он уставился добрыми усталыми глазами в стену и машинально перебирал карандаши на столе. Сам Шувалов никогда бы не решился никого выгнать, но его почти приперли к стене.

– Извольте видеть редкую безнравственность этого недоросля, – зло шипел профессор Девиер. – А вы его еще в прошлом году ко двору в Санкт-Петербург возили.

«Ну ты-то, понятно, за Анхен мне глаза выцарапать готов, – внутренне усмехнулся Потемкин. – Надо было в детстве свою толстощекую дочку воспитывать, чтоб господам-студентам на шею не вешалась. А теперь можно хоть пол-университета исключить, все равно не поможет».

– Ученики часто находятся в откровенном непослушании! – Шнейдер пришепetyвал и выходило довольно потешно. – Свистят на лекциях, срывают парики с преподавателей, отказываются писать под диктовку.

«Ты еще скажи, скажи причину такого поведения, казнокрад несчастный! Растащили себе все дрова, так что в классах зимой чернила замерзают и пальцы крючит от холода – писать нельзя. Понабрали вас, невежд, учите черти чему...»

– Если это поношение профессуры не прекратится, мы все вынуждены будем подать в отставку, покинуть Россию и отправиться домой, – вяло заключил Шнейдер. Остальные профессора согласно закивали.

«Нужны вы кому-то дома, — хмыкнул Потемкин. — Были бы хорошие ученые, не поехали бы в нашу тундру, у нас же здесь медведи белым днем людей на улицах едят, особенно немцев. Наживаетесь на нашей дикости, нам и вас потерять — беда!»

— В неповиновении этот у них зачинщик, — толстый палец Шнейдера уперся в грудь студента.

«Дурак ты, ваша милость, хотя и профессор. Кто гуляет да карикатуры рисует, не бывает зачинщиком, ему просто лень».

— Он уже больше полугода не ходит в классы! — Девиер потряс увесистой кожаной папкой. — У меня все журналы есть.

«А что мне у вас делать? — мысленно огрызнулся Потемкин. — Если я в один год прошел курс пяти лет? Ведь за это же мне золотую медаль и дали. Никто не подумал, а дальше-то что?»

Иван Иванович поднял на студента грустные глаза. «Ну что ж ты, брат, так меня опозорил?» Ему приходилось решать, решать в пользу бездарных, нагловатых, самому ему смерть как наскучивших людей, без которых бы погибло едва начатое дело. И он, куратор, чувствовал себя безвольным государем, которому подсовывали пару-тройку смертных приговоров, а чернила уже капали на лист с поднесенного пера. Мальчики были способные, быть может, гордость будущей российской науки, но не о них речь. Вся сотня даровитых и серых, знатных и безвестных студентов французского класса благородной гимназии Московского университета то сдержанно, то открыто травила, смеялась и презирала привезенных им, с такими усилиями купленных, уговоренных, задаренных обещаниями преподавателей-немцев. Плохих, слов нет, плохих. Но других-то не будет, пока эти вот крикуны не одумаются, не сядут за книги и не выучатся у приезжих, а больше своим умом, хоть чему-нибудь.

— Скажите, сударь, — обратился Иван Иванович к понуро стоявшему перед ним Потемкину, — то, что говорит профессор Шнейдер, правда?

Студент молча кивнул. Капля сорвалась с пера — приговор был подписан.

— Мне очень жаль, юноша, но вы своим поведением уже сами отчислили себя из рядов славного российского студенчества. — Куратор встал.

«Боже мой, Иван Иванович, что же вы такое говорите? — Кровь бросилась в лицо Потемкину. — И вы с ними заодно? Как можно отчислить меня? Кто же здесь тогда останется?»

Шувалов, видимо, собирался спешно ретироваться из университета, пока его еще к чему-нибудь не понудили, но Шнейдер, почтительно склонившись перед ним, прошептал:

— Ваше сиятельство, еще четверо. Злостные устроители беспорядков.

Куратор обреченно вздохнул и сделал знак звать остальных.

Президент Камер-коллегии Григорий Матвеевич Кисловский, мрачный, как грозовая туча, оперся локтями на обеденный стол. Чего, конечно, никогда не позволил бы себе в другом состоянии духа. То, что хозяин дома перестал следить за своими манерами, было дурным знаком. Прислуга, боязливо косясь на него, поспешно убирала посуду.

— Вон! — рявкнул Григорий Матвеевич. — Потом догребете!

Воспитанник молча сидел перед ним, глядя потускневшими, но сухими глазами в гневное лицо благодетеля.

— Встать! — заорал Григорий Матвеевич, когда дверь за лакеями закрылась.

Потемкин вскочил.

— Бездельник!

Сережа, сын Кисловского, ровесник Потемкина, уныло наблюдал за происходящим из своего угла и старался придать лицу серьезное сообразно обстановке выражение. Сколько

бы он ни корчил сочувственные рожи, но в том, что стихи и рисунки попали в руки университетского начальства, Гриц винил именно его.

С некоторых пор Потемкин стал замечать, что младший Кисловский невыносимо ревнует его за успехи на учебном и амурном поприщах, за то что отец, крупный чиновник со связями, возлагает на не богатого, но одаренного воспитанника больше надежд, чем на сына. А когда прошлой зимой сам Шувалов забрал Грица в числе лучших учеников в Петербург для представления императрице, Сережа не знал, куда себя деть от обиды. Масла в огонь подлила еще и белокурая Анна Девиер, предпочитавшая за так целоваться с бедным студентом, чем обменивать свои ласки на Сережины перстеньки и шелковые ленты.

– Сергей Григорьевич, извольте выйти, – тихо, но требовательно заявил Кисловский. – Все, что здесь происходит, не имеет к вам никакого касательства.

Сережа вспыхнул и поспешно покинул столовую.

«Странно, – думал Потемкин, глядя на покровителя, – даже сейчас мы подумали об одном и том же». Ему было нестерпимо больно из-за того, что Григорий Матвеевич так разгневан на него. Он любил и уважал Кисловского, более того, знал, что сам Кисловский тоже любит и уважает его.

Лицо президента Камер-коллегии напряглось, он наклонился вперед и навис над столом, как хищная птица. Исклученный студент подавил робость и тоже уперся руками в стол. Если бы кто-нибудь видел их в этот момент, то поразился тому, как они похожи. Оба всклоченные, злые, готовые вот-вот сцепиться. Кровь давала себя знать, Кисловский был двоюродным братом отца Потемкина. Однако в памяти Грица всегда вспыхивало одно и то же воспоминание, мешавшее ему объяснить внимание и заботу Григория Матвеевича простым родством.

Мать привезла мальчика в Москву из смоленской глухой деревеньки Чижиово. Отец с каждым днем все больше пил, откровенно отказывался признавать сына своим ребенком, и несчастная женщина боялась, как бы выживший из ума старик попросту не убил Грица. Дарья Васильевна, в прошлом редкая красавица, а теперь измученная и едва живая от бесконечных придирок мужа, отправилась в первопрестольную к богатой родне искать для мальчика покровителя. Кисловский нашел их сам, в небольшом домике Дарьи Васильевны у Никитских ворот.

– Кого искать-то, Даша, голубушка? Почему не сразу ко мне?

Потемкин навсегда запомнил растерянное и затравленное лицо матери:

– Что же ты, Гиц? Кланяйся, кланяйся его сиятельству, целуй ручку. – Дарья Васильевна слегка подтолкнула мальчика в спину. – Вы уж его простите, благодетель батюшка, совсем он у нас дикий.

Лицо Кисловского тоже стало бледным и растерянным.

– Даша, что же он с тобой сделал? – произнес гость сдавленным голосом.

– Простите нас, ваша светлость, из такой глуши выбрались, ни сказать, ни угодить вам толком не умеем.

Григорий Матвеевич не выдержал и, схватив женщину за плечи, с силой тряхнул.

– Даша, он бьет тебя, что ли?

– Всяко бывает, ваша светлость, – просто кивнула она. – А мальчика к вам нельзя, узнает, что сын у вас, еще пуще озлится.

– И мальчика ко мне, и сама уезжай от него с дочерьми, – твердо заявил Кисловский. – У тебя есть дом в Москве, я помогу. Здесь под моим покровительством тебя никто тронуть не посмеет.

– А девочки? – слабо возразила она. – Они ведь еще дома, в Чижиово. Поеду туда, он обратно не выпустит.

– Хочешь я с тобой воинскую команду пошлю? – рассмеялся вдруг Кисловский.

Григорий Матвеевич был прав: мать, какой бы забитой не выглядела, все же не лишилась рассудка. Вскоре она действительно перебралась в Москву и даже стала выезжать в гости к родным. Словно очнувшись от полуобморока, Дарья Васильевна снова смеялась, шутила и даже иногда пела по просьбе собравшихся. У нее был дивный голос. В такие минуты на Кисловского не стоило смотреть.

Однажды Гриц, возвращаясь к себе в комнату, услышал шепот, идущий из простенка между окнами. Там была тень, но не такая, чтобы не узнать хорошо знакомых людей.

– Вы так целовали мне руку десять лет назад. Оставьте, друг мой. Мы ведь и тогда были уже немолоды.

– Если б я не был женат, если б я встретил вас раньше, чем мой брат-варвар...

– Полноте, если б не этот варвар, мы бы вообще не встретились...

Стук кулака об стол вернул Потемкина к реальности.

– Когда ваша матушка советовала вам после окончания пансиона Литке отправиться в полк, – загремел Кисловский, – лучше, видимо, зная ваши порочные склонности, я встал на вашу сторону и настоял на поступлении в университет, полагая, что для вас будет полезнее заниматься науками, а не долбить устав караульной службы. – Григорий Матвеевич перевел тяжелое дыхание. – Считая неудобным оказывать помощь лишь своему сыну, я оплатил и ваше пребывание в классах. Я потратил на вас столько денег, сколько никогда не позволял себе тратить на себя. За время вашего прошлогоднего пребывания в Петербурге вы издержали более ста рублей. Мне остается только склониться к мысли, что вы мотали, развлекались карточной игрой, пьянством и так далее.

Под словами «так далее» Кисловский понимал женщин. Когда он говорил: «Я еду в коллегии и так далее», – можно было пребывать в полной уверенности, что вечером его дома не окажется, он завернет к некой даме на Кузнецком Мосту и будет пить у нее кофе со сливками до утра.

«Самое смешное, – думал Потемкин, – что в Петербурге я не только не мотал, но и едва сводил концы с концами». Сто рублей пошли на прокорм еще нескольких товарищей, которым родные не смогли ссудить для поездки сколько-нибудь приличной суммы и купить платья. А жить приходилось при дворе. Гриц жестоко презирал пару очень состоятельных воспитанников, которые отправились с ними не столько по выбору самого куратора, сколько по указанию на них со стороны преподавателей, которым хорошо заплатили высокопоставленные родители студентов. Эти сынки откровенно гнушались своих неприятельных спутников и с самого первого дня откололись от них, стыдясь показываться вместе.

– Вы взяли себе привычки не по чину! – Кисловский готов был разнести стол вдребезги. – Вы бездельник и дармоед! Да, сударь мой, дармоед. Я не сумел вырастить из вас дворянина, моя вина. И видеть вас в своем доме я более не желаю. Знать не хочу, что с вами дальше будет. Вон! Немедленно!

Потемкин поклонился и быстро вышел.

Сборы оказались почти молниеносными, так как он считал себя не вправе взять большую часть вещей, купленных на деньги все того же Кисловского. Гриц вышел из дому в чем был, прихватив только связку книг и теплый плащ.

Итак, его выгнали, не дав даже денег на дорогу. Ну, деньги он, положим, еще займет, но стоит ли вообще ехать?

На улице пыльный ветер крутил первую опавшую листву, в палисадниках рдели клены. Кто-то смеялся на втором этаже старомодного допетровского дома. Во дворе палат бояр Стрешневых толстые бабы выбивали ковер. Кому теперь принадлежали палаты? Чьи были бабы? Чей ковер? Кто смеялся в открытом окне? Потемкин не знал. Он брел, опустив голову, поминутно спотыкаясь о выбоины в булыжной мостовой. Ломоносов из него не вышел, да

и вообще сил создать из себя что-то путное бывший студент не чувствовал. Куда он шел? А куда ему было еще идти?

В последние полгода Гриц чуть было вовсе не переселился в Заиконоспасский монастырь. Гонимый из классов университета скукой, он как-то раз забрел сюда, прослышав о богатстве монастырской библиотеки. Конечно, его бы не пустили, но... все же племянник президента Камер-коллегии, и сам митрополит Амвросий говорит о нем очень хорошо... С неохотой и оговорками студента провели в книгохранилище, но предупредили, что почти все книги по-гречески, так что юноша едва ли сможет удовлетворить свое любопытство. Каково же было удивление братьев, когда они услышали, что именно греческие книги и интересуют молодого гостя. К этому времени Потемкин уже год самостоятельно долбил божественный койне и даже пытался переводить Гомера.

Ноги сами вынесли Потемкина к монастырю. Странно, но его уже ждали. Амвросий приказал проводить Грица к себе, как только он появится. В Заиконоспасском у митрополита были особые покои, которые он занимал всегда, когда приезжал сюда ради все той же богатейшей библиотеки. Потемкин перекрестился, чувствуя, что сейчас ему предстоит беседа не менее тяжелая, чем с Кисловским. Он знал митрополита по дядиному дому, где часто собирался тесный круг образованных земляков. Амвросий сразу обратил внимание на начитанного мальчика, который даже не скрывал, что мечтает стать священником.

– Твои родные будут против, – кротко покачал головой митрополит. – На кого обопрется мать? Она вдова, у нее нет других сыновей, одни дочери. Ты должен будешь обеспечить их приданым. Нет, чадо мое светлое, – Амвросий ласково потрепал Грица по непослушным кудрям, – тебе придется служить государю.

Тогда их разговор на том и окончился, но митрополит не мешал юноше торчать день и ночь в библиотеке, помогать в храме во время богослужения и даже приглашал к себе участвовать в богословских беседах.

Тонкий профиль Амвросия казался еще более аскетичным в трепетном свете лампад. Вся стена митрополичьей кельи, куда привели Грица, была с пола до потолка завешана иконами в дорогих окладах, перед которыми теплились негасимые огоньки свечей. Ранние осенние сумерки уже глядели в забранное свинцовыми решетками окно. Росший у стены на улице тополь то и дело кидал на подоконник желтоватые листья, а слабый вечерний ветерок задувал их в комнату.

– У тебя большие неприятности. – Старик слабо улыбался, словно говоря, что все на свете неприятности – детская забава перед тишиной и нерушимой крепостью здешних стен. – Боюсь, что я тоже виноват в них. Ведь это я позволил тебе проводить столько времени в монастыре. Впрочем, даже если б я не позволил... Итак, что ты намерен делать теперь?

Долго сдерживаемая обида захлестнула юношу. Он опустился на колени возле лавки, на которой сидел Амвросий, и поднял на старика умоляющий взгляд.

– Отче, не прогоняйте меня! – прошептал Гриц. – Вы же знаете, что я хочу остаться при монастыре.

Старик чувствовал, как потоки обиженных, почти детских слез заливают его руку, как мальчик торопливо целует персты своего наставника, и ему становилось стыдно за то, что он должен обмануть безумную надежду ребенка. Амвросий отстранил от себя Грица и отрицательно покачал головой:

– Нет.

– Но я...

– Во-первых, ты слишком молод и недостаточно знаешь собственную душу, чтоб сейчас решить за всю свою последующую жизнь. Раскаяние может оказаться слишком поздним.

Гриц попытался возразить, но митрополит жестом остановил его.

– Во-вторых, – продолжал он, – в тебе сейчас говорит не столько любовь к Богу, сколько любовь к знаниям. Ты тяготеешь не к уединению от мира, радости которого для тебя еще не стали чужими, а к книгам, спрятанным от постороннего глаза в наших хранилищах. Обещаю, они для тебя останутся всегда доступны. Испытай себя, укрепишь в своем желании, и тогда наш разговор можно будет продолжить.

Потемкин грустно опустил голову. Косые тени свечей скользили по его упрямому скуластому лицу, играя светом в золотисто-русых кудрях, и старик на мгновение задумался о том, как необычайно привлекателен этот мальчик.

– Милый Гриц, – митрополит погладил согнутыми пальцами пылающую щеку юноши. – Прости, если я тебя обижу, но ты должен знать о себе еще кое-что не слишком приятное. – Он помолчал, а затем решил: – Ты слишком красив, чтоб не сделать грех своей второй натурой, и слишком умен, чтоб не начать вскоре презирать людей, потому что большинство из них даже не будут понимать, о чем ты говоришь.

– Но ведь можно все объяснить, – возразил Потемкин.

– Ты устанешь объяснять, – усмехнулся Амвросий. – Устанешь постоянно коверкать язык и приспособливать свои суждения к уровню тех, кто образован хуже тебя, как это происходит во время наших богословских бесед, когда ты не терпишь возражений даже от духовных лиц. Твоим бичом всегда будет гордыня, а именно она погубила когда-то лучших ангелов. То, что простительно для мирянина, не найдет оправдания в священнике.

Гриц подавил раздраженный вздох.

– Твой ум пытлив, – продолжал Амвросий, – но постоянное смятение твоих чувств не располагает к спокойному и ясному отречению от себя.

Потемкин поднял на наставника глаза, полные такого искреннего горя, что старику сделалось жаль глупых мальчишеских надежд. Он потрепал Грица по щеке и ободряюще улыбнулся ему.

– Я думал, наши беседы не пропали для тебя даром, а ты уходишь от меня с такой же незащищенной душой, как пришел. Быть может, с годами ты станешь тверже и, если тогда твое стремление не покинет тебя, иди в какую-нибудь дальнюю нищую обитель и там начни свое служение, ибо здесь близость мирской власти растлевает даже самые светлые души.

Потемкин сделал над собой усилие и улыбнулся.

– Я знаю, отец мой, что вы искренне желаете мне добра, и, в свою очередь, на прощание хотел бы сказать, что сердечно привязался к вам. Мне жаль уезжать.

– Спасибо, сынок. Каковы твои намерения? Куда ты поедешь? – Митрополит серьезно смотрел на него.

– В Санкт-Петербург, в полк. Бог даст, меня примут без проволочек.

– У тебя есть деньги на дорогу?

– Есть, – не моргнув глазом соврал Потемкин. Ему было неловко просить у Амвросия, он надеялся, что ему займут бывшие университетские товарищи.

– Ты не научился даже говорить правду, когда она унижает тебя, – строго сказал митрополит, вставая. – Я дам тебе пятьсот рублей на первое время.

– Но... это слишком много, – отрицательно замотал головой юноша. – Зачем мне столько? Я скоро поступлю в полк и получу жалованье.

Амвросий нахмурился.

– Когда человек предается мечтаниям в духовной сфере, это простительно, но, когда иллюзии распространяются на грубую реальность, это мешает жить. Кто тебе сказал, что ты сейчас же по приезде получишь жалованье? Бери, отказа я не приму ни под каким предлогом.

Потемкин покраснел до корней волос.

– Вы слишком добры ко мне. Я отдам немедленно, как только смогу.

– Господь велел давать нуждающимся, – наставительно заметил митрополит, – и просить, когда нуждаешься сам. Я надеюсь, ты никому не откажешь, когда к тебе обратятся?

Потемкин кивнул.

– Этого вполне достаточно, – заверил Амвросий, – ведь деньги не мои, а Божьи, и отдать ты должен Господу нашему Иисусу Христу, протягивая в страждущие руки.

Юноша с восхищением глядел на митрополита.

– Переночевать ты можешь в монастыре. Ведь тебе некуда идти, не так ли? – глядя на связку книжек и теплый не по погоде плащ добавил старик.

Позади остались грязные белые стены сто лет нештукатуренного Кремля. Впереди – только полосатые версты, да знобкий холодный ветер. До самого Санкт-Петербурга: Все-вятское, Черная Грязь, Вешки, Клин, Завидово, Городня, Медное, Вышний Волочек...

Потемкин устал спать и трястись. Хотилово, Едрово, Валдай, Яжелбицы. Он не знал, что вечером вчерашнего дня его хватилась Кисловский. Горько каялся в своей неводержанности, поднял прислугу и отправил искать воспитанника по всей Москве: по кабакам, у товарищей, в университетском, бывшем аптечном, саду. И только Сережа, полночи гикавший вместе с лакеями по первопрестольной, знал про библиотеку в Заиконоспасском монастыре, но не пошел туда.

Крестьцы, Зайцово, Бронницы, Новгород, Подберезье. Приладив голову на сундучке с книгами, бельем и денежной шкатулкой, юноша чувствовал себя неожиданно богатым и вольным. Хозяином самому себе. Где-то за Спасской Полестью ему вдруг перестало быть жалко своей прежней жизни. И щемящее чувство бесконечности странствий в осенних просторах сиротливой земли охватило его.

Чудово. Любани, Тосно. «Интересно, как зовется последняя остановка перед Петербургом? Позабыл с того года. Какая-нибудь Мга или Пыжы?» И вдруг сама собой в голову пришла странная выдумка: «Это будет цель моей жизни».

– София, – сказал однорукый инвалид, помогавший выпрягать лошадей на станции.

«Оказывается, у меня великая цель, – хмыкнул Потемкин. – А я-то ожидал чего-нибудь вроде Закопай Хвост или Хлебай Лаптем».

Глава 3. Шотландский шиповник

Императрица еле шевелила руками и ногами, а по временам ее лицо подергивалось сильными конвульсиями. Нельзя было медлить. Но кто сказал, что в таком полубморочном состоянии она не проживет еще лет двадцать?

Для Шувалова это было странное время. Как будто стоишь на детских качелях посередине, над бревном, и пытаешься удержать равновесие.

Все утекало из-под вялой, не желавшей сопротивляться руки Елисавет, и первым человеком в государстве вдруг стал ювелир, приносивший ей новые драгоценности и, если хорошо заплатят, важные бумаги. «Пошли вон! Никого не хочу видеть!»

Шепотом передавали, что у Ее Величества все чаще случаются обмороки. После каждого она вылеживалась тихо, как колода с ульем. Тронь пальцем, тотчас вылетит рой злобных, жужжащих пчел – бесконечных придирок, капризов и нравочений.

В промежутках между припадками и клистирами Елисавет все так же выезжала на охоту, плясала до упаду, ела жирное, пила свой любимый токай и заглядывалась на господ офицеров. В часы полнокровного веселья она бросалась горькими пилюлями и выливали лейб-медикам на головы лекарства: «Вы, суки, знать не знаете, что вашей государыне надо! То-ошно мне! Мочи нет!» Обычно успокоить ее мог только терпеливый Шувалов, но и тот в последнее время обрыд императрице своим грустным сочувственным видом. «Ванька? Гнать в шею!»

Воскресное сентябрьское утро, без холодка, еще без тени осени, целиком было заполнено поклонами и приветствиями. Разряженная толпа запрудила пустырь перед церковью в Коломенском и отчаянно тянула сотни покрасневших от натуги шей – только бы увидеть государыню.

Елизавета Петровна грузно вылезла из портшеза и прошествовала к храму под несмолкаемые крики «ура!». Она стала медленно, с явным трудом взбираться по лестнице. Многие видели, как вдруг качнулась внушительная спина императрицы, нелепо завернулся зеленый атласный шлейф, и она стала тяжело оседать на пол. Все разом подались вперед и отпрянули. Гвардейцы, лейб-медики, Разумовский, Мавра Шувалова что-то делали, кричали и толкались над уродливой грудой бархата, лент и камней, из которых вывернулась кукольная белая ручка Ее Величества.

Смятение в публичке было неопишимо.

На плаще императрицу отнесли в карету и, рискуя не доездить живой, погнали в столицу. Елисавет выпустили целую тарелку черной, загустевшей крови и насажали, где ни попадая, пиявок. Вечером она едва могла приоткрыть губы, чтоб ей влили лекарство в рот, но глотать его государыня не желала...

На другой день после этих событий, когда кризис миновал, канцлер Михаил Илларионович Воронцов дождался фаворита в диванной Пречистенского дворца и, теребя куропаточный шелк креста, начал неловкий для обоих разговор.

– Вам необходимо посетить его, – настаивал канцлер. – Пока двор в Москве.

Иван Иванович терпеть не мог, когда на него давили. Как же случилось, что именно он всю жизнь оказывался крайним во всех щекотливых делах?

– Здоровье императрицы с каждым часом внушает все больше опасений, – настаивал Михаил Воронцов. – Вы должны.

Шувалов досадливо отмахнулся. Чего от него хочет этот лис, привыкший таскать чужими руками каштаны из огня? Чтобы он покинул уютный Пречистенский дворец, картины своих пансионеров-художников и пустился по жаркой тряской дороге за семь верст киселя хлебать? И к кому? К человеку, которого уже лет тридцать все считают умершим!

За которым еще при жизни закрепила слава чернокнижника! К старику Брюсу, чьи кости давно сгнили в земле.

– Нет, нет. Что вы, ваша светлость, – заверил канцлер. – Яков Вилимович просто удалился от дел и ведет очень уединенный образ жизни. Он самый старый из наших братьев и единственный, кто помнит, как в ордене принято узнавать имя следующего государя. Поверьте, эти сведения очень важны и для братства, и для каждого из нас лично. – Канцлер выразительно похлопал фаворита по плечу. – Вы же все понимаете.

Иван Иванович поморщился. Да, он понимал... что его втравливают в очень скользкое дело. Если, поправившись, императрица узнает, что ближайшие вельможи гадали, кто займет престол после ее смерти, фавориту несдобровать.

Гнев Елисавет бывал временами едва ли не таким же страшным, как у державного отца. За предательство она могла стереть Шувалова в порошок. Но было и нечто, не позволявшее Ивану Ивановичу ощущать себя сейчас предателем. Нечто несоразмерно большее, чем сама Лиз, или он, ее возлюбленный. Последние пятьдесят лет вокруг короны разыгрывалась такая кровавая чехарда, что вопрос о «следующем» был далеко не празден.

Кто? Да кто угодно! От внучатого племянника императрицы Павла до горбатых Брауншвейгских принцев, вековавших ссылку в Холмогорах. В этом списке имя законного наследника Петра Федоровича стояло первым. Но никто не гарантировал, что судьба начнет читать этот список с красной строки.

– Хорошо, – наконец проговорил Шувалов. – Я поеду. Где искать этого старого колдуна?

– Умоляю вас! – Канцлер всплеснул руками. – Граф Брюс не любит, когда о нем отзываются с неуважением.

– Разве он нас слышит? – Губы фаворита скривила ироническая усмешка.

– Как знать, Иван Иванович. Как знать.

День выдался жаркий, но ветренный, и четырехчасовая поездка страшно утомила Шувалова. Он трясся в открытой карете-гондоле, куда то и дело залетали пылевые смерчи с дороги. Песок барабанил по лаковым расписным стенкам, царапая упоительные итальянские пейзажи: море на закате, солнечные виноградники, гондольеры под мостом Вздохов...

Вокруг простирались совсем другие картины. Березы на косогоре дрожали каждым листком, сжатые поля линиями половиками простирались до самого горизонта, где еловый лес стоял грозной синевато-черной стеной. Грустно, по-осеннему тревожно, запах гари веет от паленой стерни.

Иван Иванович закрыл глаза, и тут же показалось, что карета не стучит колесами по колдобинам проселочной дороги, а мерно, как лодка, покачивается на зеленоватых венецианских волнах. Хотя и говорили, что Венеция пахнет тиной, что море с каждым годом все больше пожирает улицы, что от гниющих под водой дубовых свай болеют люди, для Шувалова этот город оставался сказкой. Несбыточной мечтой. Он всегда хотел путешествовать. И никуда не выезжал дальше Калуги. Его жизнь растянулась в стрелу между Москвой и Петербургом, вокруг которых двор вращался как карусель. Когда-то Иван Иванович мечтал о славе. Сейчас – об одиночестве.

Солнце било сквозь мелкие копеечки березовой листвы, отбрасывая на дорогу пятнистую тень. Пляска света навевала на Шувалова дремоту. Миновали березняк, почти непроезжий, судя по плохо набитым колеям. Дальше дорога побежала веселее и скоро выровнялась в широкий, едва ли не почтовый тракт.

Вкатив на мост над шумной Гжелкой, карета так и не съезжала с досок – мощенное бревнами полотно, как скатерть, стелилось к барскому дому. По обеим ее сторонам возвышались тенистые липы, и Шувалов наконец вместо пыли вдохнул полной грудью пьянящий

запах доброго зимнего чая. Не хватало только острой ноты малинового варенья, чтоб совсем погрузить фаворита в морозные мечтания у камелька.

Навстречу гостю попались бабы, идущие с реки с полными корзинами отполосканного белья. Но кучер проигнорировал их, как несерьезных созданий, у которых не стоит спрашивать о хозяйне усадьбы. За стеной теплых черных стволов мелькнули два мужика, обкашивавших траву по обочинам дороги. Они скинули войлочные шапки и низко поклонились Шувалову.

– Барин-то ваш где? – осведомился тот, порывшись в кармане и выгребая для дворовых пятак медью.

– Известное дело, на коньках катается, – отвечали мужики. – Благодарствуй, батюшка. На пруду его найдешь.

– На коньках? – переспросил Иван Иванович, решив, что ослышался.

– Вестимо, – отвечали косари. – Заморозил запруду и рассекает.

– Заморозил? – Гость не поверил своим ушам. – Как?

– А бог его знает, – беспечно отозвались мужики. – Он, слышь ты, колдун у нас, барин-то. – После чего они вновь принялись за работу и уже не обращали на Ивана Ивановича никакого внимания.

Шувалов велел кучеру трогать, и карета проехала чуть вперед по берегу реки. В излучине Гжелка была перегороджена каменной ступенчатой запрудой. Одного взгляда было достаточно, чтоб понять: ее проектировал профессиональный фортификатор, всю жизнь имевший дело с вражескими крепостями. Если б потребовалось, на этой чудо-запруде небольшой отряд солдат мог выдержать многодневную осаду неведомого неприятеля.

Скользнув глазами по грозным брустверам и узким орудийным бойницам, Шувалов зацепился взглядом за воду и обомлел. Мужики не соврали, среди жаркого, почти летнего дня пруд стоял, как студень в погребе – серый лед с белыми пятнами снежных сугробов покрывал его целиком. На берегах зеленая трава была схвачена инеем. По глади образовавшегося катка скользил на острых серебряных полозьях сухонький старичок в черном сюртуке и клетчатом шотландском пледе, обмотанном вокруг поясницы. Он лихо выписывал восьмерки, делал изящные пируэты, а в самой середине вдруг подпрыгнул и закрутился волчком.

Иван Иванович решил, что перегрелся на солнце, и приложил руку ко лбу. Голова не была горячей.

Между тем старичок, заметив гостя, прекратил свой удивительный танец и, приветливо улыбаясь, заскользил к краю катка.

– Вы и есть молодой Шувалов? – осведомился он без всякого предисловия. – Я ждал вас.

– Здравствуйте, Яков Вилимович, – произнес фаворит, едва ворочая языком. Сказать, что он потрясен, было бы не точно. Иван Иванович чувствовал себя сбитым с толку и ошарашенным.

– Вас это удивляет? – Брюс широким жестом обвел пруд. – Простейшая химическая реакция. Ничего сложного. Могу научить. – И старый фортификатор пустился в мудреные рассуждения о взаимодействии воды и свинца. Всю дорогу до дома он сыпал формулами, ни одну из которых Ивану Ивановичу не удалось запомнить.

Графская усадьба оказалась приятным двухэтажным домом на взгорье, которое огибал неширокий ручей. По словам Брюса, его он тоже замораживал для дворовых ребятишек, когда тем хотелось покататься на коньках.

– Все дело в запруде, – признался Яков Вилимович. – Она генерирует холод. Внутри нее... – Тут граф опять погрузился в объяснения, из которых Шувалов, не получивший инженерного образования, не понял ни слова. – А зимой, когда нужна свежая рыба, пруд можно и оттаять, – с торжеством заключил Брюс. – Я часто так делаю.

Он проводил гостя по высокой деревянной лестнице к дверям, а сам скрылся наверху в гардеробной, чтоб привести себя в порядок.

Дворецкий, похожий на плохо отесанное бревно, на которое нацепили камзол из желтого шелка с вышитым гербом шотландских королей на груди, жестами объяснил Шувалову, куда двигаться. «Может, он немой?» – подумал Иван Иванович. В этом доме фаворит ничему бы не удивился.

Стайка таких же бессловесных, но прелестных, как день, горничных окружила гостя в его комнате – просторной, слегка старомодной, но чистой до хруста накрахмаленного белья и легкого запаха масляной краски от свежевыкрашенной рамы. Девушки без всякого смущения помогли Шувалову раздеться и принять с дороги холодную ванну.

Одна из них – розовощекая милашка с цветком шиповника в волосах – показалась ему особенно очаровательной, и фаворит не удержался, чтоб не потрепать ее по щеке. Крошка заулыбалась, но так и не проронила ни слова. Однако именно она накрывала на стол, когда хозяин дома вместе с приезжим сели обедать.

– Я знаю, что привело вас сюда, – сказал Брюс, любезно подавая Ивану Ивановичу сладковатый ревеневый соус, который в такую жару был необычайно хорош к блюдам из телятины. – Вас послал ко мне господин канцлер, не так ли?

– Брат Обрядоначальник, – ерзнув, поправил гость. Он не знал, как перейти к щекотливому вопросу, с которым его, собственно, и направили сюда. – Брат Обрядоначальник хотел спросить вас, – Шувалов запнулся и поднял на графа глаза, полные просьбы помочь ему с честью выпутаться из создавшегося положения. – Яков Вилимович, государыня очень плоха...

Старик смотрел на молодого фаворита Елисавет, не отрываясь. Сколько раз за последние пятьдесят лет он слышал эти слова? Государыня? Какая именно? Екатерина? Анна? Елизавета? Эта маленькая девочка? Лизетка, как дразнил ее Петр. Неужели дочь Петра уже сходит в могилу? Брюс не мог в это поверить. Какой же сейчас год? Не важно. Они хотят от него того же, что и всегда. Неужели так трудно запомнить последовательность магических действий и всего несколько слов? Нет, положительно, народ измелъчал. Впрочем, когда смертные были внимательны?

– Я помогу вам, юноша, – сказал граф. – Меня обязывает к этому долг перед братством. Ведь вы хотите знать, кто станет следующим государем?

Как просто он это произнес! У самого Шувалова язык бы не повернулся выговорить такое. Иван Иванович лишь склонил голову, подтверждая справедливость слов Брюса.

Старик улыбнулся.

– Не хотите ли кофе? Чудесный напиток. В бытность царя Петра Алексеевича в Голландии тамошние дамы принимали его как возбуждающее средство и уверяли, что заваренный по-турецки он укрепляет мужскую силу.

«Что он несет?» Ивану Ивановичу пришлось выслушать лекцию о сортах кофе. Не менее пространную, чем химические экскурсии хозяина усадьбы. Потом о табаке. За все время он ни разу не перебил Брюса.

– Вы терпеливы, – похвалил старик. – Именно такой человек и должен находиться при августейшей особе. Итак, слушайте внимательно. Повторять дважды я не имею права. В Кунсткамере на втором этаже в шестиметровом шкафу справа по коридору от кабинета естественной истории на третьей полке сверху стоят две колбы с заспиртованными головами государственных преступников. Это кавалер Вилим Монс и Мария Гамильтон.

Иван Иванович обомлел. Но Брюс не дал ему опомниться и продолжал.

– Их приказал поместить туда государь Петр Алексеевич специально с целью известных вам упражнений. При приближении смерти очередного императора головы пророчествуют о судьбе престола. Для этого необходимо пропустить через них ток, полученный

от этого пентакля, – граф выложил на стол плоский металлический предмет многоугольной формы, – при ударе молнии. За все прошедшие годы это получилось лишь дважды. Ваши предшественники были не очень внимательны, – ворчливо заметил старик. – Постарайтесь не повторить их ошибок. Во время грозы вынесите головы на крышу, положите пентакль ровно посередине между ними и замкните вокруг магический круг из братьев высшего посвящения. Вы должны держаться за руки и произносить вот эти слова. – Граф взял салфетку и принялся вилкой писать на ней какие-то закорючки.

Почему нельзя было воспользоваться для этого бумагой и чернилами, Иван Иванович так и не понял, но с глубоким поклоном принял исчерканную Брюсом материю.

– Вот и все, молодой человек, – заулыбался граф. – Запомнили?

Шувалов сглотнул. Он не мог бы побожиться, что все понял точно. Тем более запомнил.

– Гроза должна быть у-у-у-у! – сделал старик страшные глаза. – У нас тут третьего дня была такая...

Иван Иванович выслушал лекцию о грозах. Уже вечером Брюс отпустил его, изрядно измучив рассказами. Горничная с бутонем шиповника в волосах взяла в руки свечу и по-прежнему безмолвно сделала Шувалову знак следовать за ней. Фаворит неуверенно оглянулся на графа, но тот благодушно махнул рукой.

– Ступайте. Дело молодое. В столице вам ведь не часто удастся расслабиться.

Не часто! В его-то положении! Иван Иванович глубоко вздохнул. Зачем отказываться от подарков судьбы? Тем более когда они сами идут в руки.

Девушка скользила по лестнице, высоко держа свечу.

– Как тебя зовут?

Она только лукаво улыбнулась.

– Но ведь у тебя есть имя?

Горничная приложила палец к губам и толкнула рукой дверь. Шувалов шагнул вслед за ней и почти тут же на него из темноты повеяло нежным запахом диких роз. Белые руки сомкнулись на шее Ивана Ивановича, и поцелуи, легкие, как лепестки, посыпались на лицо.

Тысяча удовольствий, испытанных им в эту ночь, трудно было сравнить хоть с чем-то пережитым прежде. Но вот, неловко повернувшись в кровати, он задел локтем цветок в волосах своей молчаливой любовницы. В тот же миг ему на руки хлынул поток роз, точно девушка рассыпалась буквально в ладонях. Уколов палец о шип, Иван Иванович проснулся.

Он сидел в своей карете-гондоле посреди березняка, не сдвинувшись ни на вершок в сторону имения Брюса. Лошади мирно щипали траву вдоль давно заброшенной дороги. Кучер ходил рядом, постукивая кнутом по сапогу.

– Почему стоим? – Иван Иванович протер глаза.

– Дороги дальше, барин, нету, – отвечал слуга. – Тут мужики на телеге проезжали, косари. Говорят, давно погорела эта усадьба. Уже лет тридцать как. Молодые господа за реку переехали. Боятся здесь жить. У них что ни день, то грозы. Молнии в головешки Брюсова дома так и лупят, так и лупят! Так куда поедет-то?

Иван Иванович поднял руки к лицу и только тут заметил, что крепко сжимает в кулаке белый пентакль и скомканную салфетку, исписанную какими-то значками.

– Я долго спал? – спросил он, удивленно разглядывая предметы.

– Да на минутку всего и задремали, барин, – отозвался кучер, вновь влезая на козлы. – Ну? Куда тронемся?

– В Москву. – Шувалов махнул рукой.

Слуга крикнул и стал разворачивать лошадей. Зачем, спрашивается, было тащиться в такую глушь? Чтоб узнать то, что известно всей Москве? Фаворит не обращал внимания на ворчание слуги. От его ладоней до сих пор неуловимо пахло шиповником.

Глава 4. Гнездовье орлов

Осень 1758 года. Санкт-Петербург

Возок прибыл в столицу уже вечером. В сумерках переехали Фонтанку, служившую границей города, задержались на Аничковом мосту у будки, показывая подорожные, и, наконец, перевалили через деревянные горбыли, сложенные для более пологого съезда карет на берег.

– Приехали, барин, выходите. – Ямщик, перекрестясь, принял плату и, благословляя доброго ездока, развернул лошадей куда-то в непроглядную тьму, не озаряемую ни единым костром.

Потемкин поздно спохватился, что не узнал у него, где здесь можно найти постоянный двор или трактир. Искать сейчас казармы Конногвардейского полка было бессмысленно. Оставалось кое-как переждать до утра. Гриц голодный, усталый и злой брел неведь куда вниз по улице.

– Скажи-ка, любезнейший, – обратился он к какому-то разносчику, явно припозднившемуся и спешившему домой. – Где здесь поблизости трактир?

Парень с опаской осмотрел говорившего, но, осознав, что перед ним не грабитель, а просто заплутавший прохожий, осклабился в добродушной улыбке.

– Вон тама, – ответил он, ткнув корявым пальцем в темноту. – «Тычок». За два дома и во двор. Тока тама опасно, барин.

– Почему? – мрачно осведомился Потемкин, чувствуя, что город, в который он приехал, полон неприятных сюрпризов.

– Тама господа гвардейцы собираются. – Разносчик шмыгнул носом. – Они, эта, сильно безобразничают, если пьяные.

– Ну в трактире люди всегда пьяные, – уверил собеседника Гриц. – Спасибо, любезнейший. – Он протянул парню полушку, тот несколько раз поклонился и пошел проч.

Потемкин поспешил в указанную сторону. Перед ним под низкую арку между домами свернули три гвардейца в странных желтых мундирах, каких Гриц никогда не видел. Троица шла уверенно, видимо, дорога была им хорошо знакома, и Григорий последовал за ними в надежде, что они выведут его к искомому «Тычку», чье название говорило само за себя.

Двор, в котором очутился Потемкин, был квадратным, темным, с одним-единственным выходом. В его таинственной глубине поминутно хлопала открывавшаяся дверь под скрипучей ржавой вывеской. Из-за нее доносились глухой шум, голоса, хохот и бабий визг. «Надо же, какой странный двор, – подумал Гриц, – на тупик похоже. То ли дело наши московские проходные, продувные, ищи-свищи тебя в таком дворе! А здесь и захочешь, никуда не убежишь».

Тем временем из трактира, пошатываясь, вышел рослый человек и затащил пьяным, но красивым голосом довольно странную песню:

Как во городе, в огороде,
В огороде при народе
У козла рога,
Их коза наставила...

Не успел Гриц сообразить, что, собственно, у любого козла рога и без помощи козы сами собой свободно произрастают на лбу, как шедшая впереди троица поравнялась с горлающим гулякой и без всяких разговоров накинута на него. Человек, видимо не ожидавший нападения, беспомощно взмахнул руками и грянулся оземь. Но на этом обидчики не успокоились. Двое подняли его за плечи, а третий еще пару раз коротко врезал под дых. Это уже слишком походило на избивание, тем более что троица в желтых мундирах вовсе не собиралась прекращать драку. Человек был один, шел себе, никого не трогал, а следовательно, по мнению рассудительного Грица, нападать на него не было никаких причин.

– Сволочи! – заорал несчастный. – Суки голштинские! – Он из последних сил вырвался и с размаху завалил одного нападавшего. Двое других стали выкручивать ему руки, что-то крича по-немецки, но рассвирепевшая не на шутку жертва снова вырвалась и принялась дубасить своих обидчиков.

Немецкие слова решили последние сомнения Потемкина, который вдруг подумал, что и его несколько дней назад вот так же избивали, только без крови и шума, и не нашлось никого, кто бы помог ему. Он отставил свой сундучок и ввязался в свару. Кулаки замелькали чаще и дружнее.

Григорий получил в ухо и пару раз по ребрам, но голштинцы дрогнули. Сам он сильно зашиб правого нападавшего, и тот уже второй раз пытался, но не мог встать. Агрессивная жертва тем временем уложила еще одного немца и, оседлав его, макала лицом в осеннюю жижу. Третий предпочел сам ретироваться. Потемкин и его безвестный соратник оставили за собой поле брани.

– Ты меня откуда знаешь? – оглядывая Грица, спросил грязный с ног до головы гуляка.

– Совсем не знаю, – едва переводя дух, ответил молодой человек.

– Так чего ж ты ввязался? – удивился его новый знакомый.

– А так, – шальная удаля блеснула в глазах Потемкина.

– Ты кто?

– А ты? – Гриц совершенно не собирался признавать ничьего превосходства.

– Орловы мы, – самодовольно хмыкнул гуляка, вытирая пальцами кровь с нижней губы. – Слыхал?

– Нет.

– Ты с луны, что ли? – обиделся петербуржец.

– Я только сегодня из Москвы.

– А, ну тогда ладно, – примирился с неосведомленностью приезжего Орлов. – В полк? Звать тебя как, спаситель?

– Григорием.

– Да ты еще и тезка мой! Ну спасибо тебе, Григорий. Жрать хочешь?

– Нет, я, чтоб с тобой познакомиться, в трактир шел, – недовольно заявил Потемкин, разглядывая порванный рукав.

– Сундук твой? Бери его и топай за мной, – распорядился непрошенный командир и потащил Грица к двери.

Несколько ступенек вниз. Потемкин чуть не ударился головой о притолоку.

– Я эту деревяшку скоро выворочу, – заявил Орлов. – Сам все время об нее шибаюсь.

Погребок оказался довольно просторным, но темным. В нос ударил запах дыма, жареного мяса, табаку и винного перегара. Здесь Потемкин наконец хорошенько разглядел своего спутника. Это был высокого роста ладный детина лет двадцати пяти в преображенском мундире. Его синие глаза светились лукавством и приязнью, а ясное чистое лицо по временам принимало выражение нахальства и вызова.

Ему навстречу от разных столов понеслись приветственные крики, и несколько человек даже встали. Гриц сообразил, что провожатый был в своих кругах человек известный.

– Ты, Гришан, никак вернулся?

– Да вот не допил слегка.

– Где это тебе так навешали?

Действительно, лицо Орлова было украшено многочисленными знаками доблести.

– Здесь голштинцы со Шванвичем прогуливались. Я имел с ними ласковую беседу, – нехотя ответил Григорий.

– Так что ж ты нас не крикнул?

– Вас разве докричишься, ироды?

– Сколько их было? Ты их ретировал?

– Еще бы, – обрезал Орлов. Затем, указывая на Потемкина, Гришан нарочито громко заявил: – Слушайте, сволочье, это мой старый товарищ Григорий...

– Александров сын Потемкин, – подсказал Гриц.

– Александрович Потемкин. И если кто ему что, то дело уже с Орлами. Ясно?

По тишине, воцарившейся на мгновение, бывший студент понял, что его неожиданный покровитель пользуется здесь большим авторитетом.

Орлов, раздвигая подгулявших посетителей, пошел к одному из столов и, беспардонно потеснив кемаривших на краю офицеров, посадил Потемкина.

– Жаркого и вина, – потребовал он. Гришан, явно протрезвевший за время драки, хотел восполнить свои потери.

– Тебе сколько лет? – спросил он Потемкина, когда все требуемое уже стояло перед ним на столе.

– Девятнадцать, – уминая мясо, пропыхтел Гриц.

– Так где ж тебя так долго носило? Чай уже второй год как по казармам должен таскаться, – удивился Орлов.

– Я в Университете обучался. А потом... – Потемкин махнул рукой. Слезы готовы были закипеть у него на глазах.

– Поперли, что ли? Да полно тебе. Сейчас, как красна девица, разревешься! Нашел о чем жалеть. – Орлов обнял его за плечо. – На кой черт тебе этот Университет? Мозги только наизнанку выворачивать. Я вот тоже в Шляхетском корпусе обучался...

– Немцы-сволочи. Ненавижу, – простонал Потемкин.

– И у вас? – искренне удивился Гришан. – Это здесь от них жизни нет, а в Москве-то...

– У нас ясное дело – Университет. А тут-то чего? – в свою очередь, не понял Потемкин.

– А здесь, мил друг, столица, двор, гвардия. Смекаешь? Житья никакого от них нет. Пол-Пруссии у наших ног, а дома... Как великий князь подрос, все замечать стали. Ему, слышь, наша гвардия не по нутру, он своих из Голштингии привез.

– Голштинии, – поправил Потемкин.

– Один черт, – кивнул Гришан. – Мало что собственные войска держит, еще и в лейб-гвардию пихает офицеров из немцев. Нашим мест не достается. С ними не сладишь. «Почему носок не тянешь? Почему сапоги не чищены? Почему морда рязанская?» Только и знают, что в зубы тыкать.

– А кто такой Шванвич? – спросил Потемкин.

– Он у великого князя служит в голштинской роте капралом. Мы с ними много раз схлестывались. Навешаем им, чтоб не строили из себя хозяев. Теперь вот моя очередь была. Сил нет, какие сволочи. Им против нашего вдвое платят и жалованья не задерживают. А мы скоро с голодудохнуть начнем. Прикинь, с самого начала войны не плачено. Что из имений пришлют, на том и спасибо. А у нас четверых не густо, шиш и тот без родительского благословения. Сиди кукуй.

– А что же императрица, разве не видит?

– Нашел надежду, – хмыкнул Орлов. – Матушка Елисавет великого князя не жалуется, а все ж он у нее один наследник.

К ним подсел стройный сероглазый преображенец. Гришан пожал ему руку.

– Павел Пассек. Знакомьтесь. Мой тезка, – отрекомендовал Грица Орлов и добавил с некоторой гордостью: – Бывший студент.

– Очень приятно, – улыбнулся преображенец. – Где думаете служить?

– Записан в конную гвардию.

– Прошу прощения. – Пассек снова улыбнулся, но глаза его оставались внимательными и цепкими. – Гришан, на пару слов.

Орлов сделал недовольное лицо и встал. Они с Пассеком отошли чуть в сторону, где за гомоном посетителей Потемкин ничего не мог расслышать. Он видел, как оба офицера отчаянно зажестичулировались, временами бросая на него короткие взгляды. Наконец Орлов зло махнул на товарища рукой и вернулся.

– Боятся, – буркнул он. – А чего боятся, сами не знают. Теперь, как канцлера Бестужева взяли, так все боятся.

Потемкин не стал углубляться в скользкую тему.

В это время на другом конце стола разрыдался совсем пьяный капитан.

– Жизнь моя постылая! Совсем мочи нет! Не женитесь, братцы, не женитесь! – завывал он, положив на руки растрепанную русую голову.

– Кто это? – спросил Гриц.

– Князь Дашков. Славный малый. Эй, кто там! Приведите его в чувства!

Несколько офицеров поднялись и повели упившегося князя к выходу.

Вдруг из наименее освещенного угла раздался громкий внятный крик.

– Господа! Здоровье государыни Елизаветы Петровны! Виват!

– Виват!!! – повскакали все с мест. – Виват Елисавет! – Многие выхватили шпаги и потрясали ими в воздухе.

Порыв был настолько единым, что он поднял даже не очень склонного к участию в радостных кликах толпы Потемкина. Гришан тоже заорал во все горло.

– Виват Его Императорскому Высочеству великому князю Петру Федоровичу! – крикнул все тот же зычный внятный голос.

– Виват! – подхватило несколько голосов.

Остальные офицеры спокойно сели.

– Виват Ее Императорское Высочество великая княгиня Екатерина Алексеевна!

На этот раз хор был дружнее, но явно не добирал до первого взрыва. Потемкин, слышавший о великой княгине только хорошее, хотел было присоединиться, но Орлов наступил ему под стол на ногу.

– Цыц. Не ори, балбес. В Тайную канцелярию захотел? Ведь это людишек примечают.

– Каких людишек? – не понял Гриц.

– А любых. Пойдем-ка лучше отсюда, – посерьезнел Орлов.

На улице было уже темно. С неба что-то сеяло и сеяло.

– Мокросит, – сказал Гришан, втягивая голову в плечи и поднимая воротник мундира. – Ты где остановился?

– Да, в общем-то, нигде, – развел руками Потемкин.

– Ладно. Пойдем пока к нам, а там видно будет.

Орловы жили на Малой Морской улице, недалеко от набережной, снимая несколько комнат на втором этаже у небогатой капитанской вдовы. Неприязнь к казарменной жизни была их семейной чертой, и Потемкин, едва переступив порог, сразу понял, в чем она выражалась. Такого свинарника он еще никогда не видел. Дырявый чайник соседствовал с не менее дырявыми сапогами, штаны, рубахи, оружие и форменные треуголки лежали где

удовно, только не на своем месте, и отыскать их в нужный момент не было никакой возможности.

Навстречу им встал заспанный парень примерно одного возраста с Грицем и, насмешливо оглядев грязный мундир брата, заявил:

– Вот тебе Иван-то сейчас холку начистит, полуночник чертов! Кого это ты притащил?

– Это мое дело, – огрызнулся Гришан. – Согрей, Федька, чай, мы назяблись.

– Чайник дырявый, – флегматично заметил нерадушный хозяин и поплелся восвояси.

– Это кто там? Гришка, что ли, явился? – раздался громкий повелительный голос. – Где шляется?

– Вам лишь бы орать! – рявкнул спутник Потемкина. – А то, что брату вашему голштинцы чуть мозги не вышибли, это вас не касается?

– А ты не шлись, где голштинцы, – язвительно заметил другой рослый детина, выходя из комнаты. – Это еще кто? – он указал на Потемкина.

– Пока с нами поживет, а ты, Алехан, заткнись. А то понял? – Григорий показал брату увесистый кулак.

– Мне что? – пожал плечами Алексей. – Где он только спать будет?

– Без тебя разберусь.

– Да ради бога.

Григория в доме считали не то чтобы сумасшедшим, а так, с придурью. Он таскал на квартиру то собак, то кошек. Раз поздней осенью привел с угла тощую непотребную девку, у которой зуб на зуб не попадал от холода, напоил кипятком, чая все равно не было, дал отогреться и отпустил. Просто так. После этого даже Иван перестал срываться на него и только мрачно сказал Алексею, что, будь у них деньги, он бы обязательно сводил Гришана к доктору на предмет головы.

К Потемкину тоже отнесли, как к очередной Гришкиной придуре, и особенно не возражали.

– Пусть спит. Места, что ли, жалко? – Иван отбросил адрес-календарь за позапрошлый год в угол. – Ну. Все, что ли, дома? Тушите свет, вражьи дети. – Он душераздирающе зевнул, и в дому воцарилась тишина.

На следующий день Потемкин получил место в полку Конной гвардии.

– Служить будете пока без жалованья, – сказал бывшему студенту косоглазый канцелярист в валенках вместо сапог. В канцелярии из-под пола сильно дуло.

– Как без жалованья? – возмутился было Гриц.

– А так, из чести, – обиделся канцелярист. – Должности с жалованьем пока нет. Будет, тотчас произведем. Да не тужи ты, – смягчился он, – все равно никому не платят. Денег в казне нет. Война. А там, глядишь, мир подпишут, контрибуцию выплатят – разживемся. Может, помрет кто, или в отставку уйдет, будет тебе место.

Потемкин, понурившись, вышел на широкий, разбитый бесконечными экзерцициями двор.

– Без жалованья?! Они что, с ума посходили? – вопил вечером Гришан.

– Ты ему сколько дал? – осведомился Алексей.

– Я? Чего? – не понял Потемкин.

– Денег, я говорю, сколько сунул?

Новоявленный конногвардеец молчал.

– Ну и расплачивайся за собственное жлобство, – поджал тонкие губы Федька.

– Что вы к нему пристали? Он не догадался небось, – заступился Иван. – Не догадался ведь, дубина?

Потемкин помотал головой.

– Догадался, и деньги у меня были. Не решился я, подумал, вдруг выгонит...

Дружный хохот покрыл его последние слова.

– Я вижу, ты такой же малость свихнутый, как наш Гришка, – подытожил Иван. – Оставайся пока у нас. С хозяйкой этот вот, – он указал на Григория, – договорится. Если тебе жалованья не положили, то места в казарме тем более не дадут. Не гнать же тебя.

– На что же вы живете, если ни шиша не платят и из дому не шлют? – спросил растерянный Потемкин у явно не слишком угнетенного безденежьем Гришана.

Тот нагло ухмыльнулся.

– А так, на что бог пошлет. Вот сегодня посмотришь.

Ближе к ночи на квартиру Орловых стали съезжаться другие офицеры. Их набралось человек двадцать. Приехал знакомый Павел Пассек, сержант Барятинский, трезвый и вежливый князь Дашков.

Они вытащили на середину комнаты большой стол, покрытый синим заляпанным сукном, зажгли сальные свечи в грязных медных шандалах. Алексей метал банк. Карты легко разлетались в разные углы стола, за которым восседали бледные сосредоточенные гости. Потемкин поразился редкой ловкости, с которой работали длинные сильные пальцы Алехана. Видимо, товарищи чрезвычайно уважали его в вопросах игры, а он держался с видом большого барина, одним взглядом направляющего ход дворцового приема.

По очереди к столу подсаживались то Федор, то Иван и неизменно проигрывали. Молча, без всяких возражений. Только Гришка то и дело начинал орать.

Раньше Потемкин никогда не играл. Только в роскошном доме Кисловского он видел, как приглашенные господа временами отправлялись за зеленые столы загнуть пароли.

– Садитесь, студент, – обратился к нему насмешливый враждебный Пассек. – По первой везет.

Гриц в нерешительности глянул на двух Орлов, обосновавшихся в это время за столом. Иван едва заметно качнул головой, Алексей тоже сделал отрицательный жест.

– Прошу прощения, господа, но я не знаю правил и сегодня предпочту воздержаться, – покорно сказал Потемкин.

Грицу вдруг необычайно ясно припомнилось чувство детской обиды, когда его с Сережей рано выпроваживали с праздников к себе в комнаты, не давая сидеть со взрослыми. Он зашел за спину Алехана и стал смотреть, как тот сдает. Его ловкие пальцы с необычайной быстротой мелькали в колоде, и Потемкин заметил, как Алехан сдал себе подряд несколько карт из рукава. Это произошло мгновенно, и Гриц не мог бы поручиться, что в действительности что-то видел.

Игра закончилась часу в третьем. Алексей и еще несколько офицеров сгребли выигрыш. Иван стал менять свечи, а Гриц с Федором притащили холодные закуски. Штофы с вином лесом уставили стол.

Когда все разъехались, Иван отозвал Потемкина в сторону и тем же покровительственно-повелительным тоном, каким общался с братьями, сказал ему:

– Ты сначала пооботрись в полку, попривыкни, сведи знакомства, а там без спешки возьми сотню, зайди к этому жлобу косоглазому и попроси, да не жалованья – пустое дело, а должность какую при интендантстве. А там не будь дурак. Да сотню-то теперь же отложи, а то пропьешь до нужного момента.

Потемкин терпеть не мог советов, но понимал, что Иван соображает в этом деле больше него, и, скрипнув зубами, кивнул.

Он легко ужился со всеми четверыми Орловыми, вскоре начав воспринимать сурового Ивана, легкомысленного Григория, язвительного Алексея и во всем обыкновенного Федора как свою собственную семью. (Пятый из братьев, Владимир, еще оставался дома недорос-

лем и должен был прибыть в столицу лишь через пару лет.) Спал Потемкин на Гришкиной кровати, так как сам ее хозяин почти не ночевал дома, а когда являлся, то беспардонно пихал тезку в бок, и тот подвигался с сонной руганью.

Братьев запросто привыкли видеть уже впятером, полагая, что такой же рослый и крепкий, как они, парень со светлыми, чуть в другую масть кудрями просто-напросто какой-то их родственник, наконец начавший служить.

Хозяйка дома, немолодая, но еще очень представительная женщина, которую и четверо-то постояльцев стесняли до крайности, не без некоторого усилия со стороны Гришана закрыла глаза на появление пятого.

Как-то раз, когда все, кроме Грица и Федора, были на дежурстве, Потемкин подбил младшего Орла на великий подвиг. Хохоcha от предвкушаемой развязки, они выволокли половину никому не нужного хлама во двор, оттерли ножами стол, а не в меру чистоплотный Гриц согрел воды и выдраил затоптанный крашеный пол, который неожиданно оказался зеленым.

– Это не мой дом, – мрачно заметил Иван, переступив порог и не споткнувшись ни обо что как обычно. – Да, ребята, хоромы.

– Куда нам здесь жить с грязной шеей? – двусмысленно заметил Гишан.

Герои стояли бледные и гордые.

– Чайник! Мой чайник! – вдруг заорал Алехан. – Куда вы его дели? – Он схватил Федора за грудки и отчаянно затряс.

– Дыряв-вый, что ли? Да выкинули мы его. – Федька насилу вырвался. – Вместе с остальным дерьмом.

– Куда?! Куда?! – срывающимся от ненависти голосом кричал Алексей.

– Вон, во дворе лежит. Где хозяйкин мусор, на куче.

Растолкав всех, Алексей кинулся вниз по лестнице.

– Федька, иди глянь, чего ему там? – приказал Иван.

Через несколько минут вернулся растерянный Федор. Вслед за ним, прижимая чайник к груди, шел решительный Алехан.

– Что у тебя там? Открой крышку. – Иван нехорошо нахмурился.

Алексей с видом некоего особого самоотречения поставил чайник на стол и поднял крышку. Вся емкость была уложена медными рублями, да так плотно, что они даже не звенели, когда чайник выкидывали.

– То-то я и думаю, почему мне так тяжело нести? – сказал Федор, почесывая в затылке.

– А заглянуть не догадался, недоумок? – укорил его Иван. – Ну, Алексей, говори честно, откудова у тебя столько денег, или будем бить.

– Мы тут холодуем, каждую копейку считаем, а он у нас богатый барин! – возмутился Гришан.

– Я копил, – угрюмо сознался Алексей. – Вы меня с каждой игры трясете. Надо же мне было что-то и себе поиметь.

– Жлобов не потерплю, – строго заявил Иван. – Ступай в ту комнату, скидывай портки.

Алексей зло сверкнул глазами, но без возражений поплелся куда велено.

Потемкину были не понятны тот непререкаемый авторитет и та безграничная власть, которой Иван пользовался у своих братьев. После случая с Алексеем он высказал свои сомнения наименее управляемому из всех Григорию. Тот пожал плечами.

– Ваньша это Ваньша. Папенька-старинушка. Что тут говорить? Когда мне было четырнадцать, а ему пятнадцать и он за нашу безотцовщину мог любому в корпусе в морду дать, это, знаешь ли, великое дело. Чтоб не сиротами росли. И то, что наши именица у матери по смерти отца соседи-ироды не оттягали, тоже Ваньша устроил. А как ему это удалось –

бог весть. Я бы не смог. А ведь правду сказать, сопляк тоже был, на десять лет меня, теперешнего, моложе.

Когда в соседней комнате щелкнул ремень, Гришан вздохнул и собрался уходить.

– Пойду побеседую с нашей дорогой хозяйкой Марьей Тихоновной, – по его губам поплыла наглая улыбка.

– И зачем тебе это пугало? – изумился Потемкин. – Хозяйка может быть женщина и авантажная, но у нее же всегда такое выражение лица, точно она горсть соплей жует.

– Можно подумать, у нас есть деньги платить за квартиру, – фыркнул Григорий. – А про горсть соплей это хорошо. Ваньке скажи, он посмеется.

Дверь за Гришаном хлопнула.

Ко многому в доме Орловых было трудно привыкнуть, но Потемкин искренне привязался к их безалаберному, впроголодь житью, не жалея уже о сытом доме славного Кисловского и лишь временами до слез болезненно вспоминая просторную монастырскую библиотеку и ласкового Амвросия.

Через два месяца Потемкин получил должность полкового каптенармуса, которой чрезвычайно стеснялся. С этой поры в доме стали появляться посуда, медные тазы, целые чайники, новое постельное белье и сколько хочешь березовых веников.

– Полгода интендантства – и можно расстреливать без суда, – философски заметил Иван, когда кучер подводы, пригнанной Грицем, выгружал из нее казенные дрова.

– Наше любимое правительство должно нам за четыре года, а этот маленький заем не окупит и сотой части. – Григорий восхищенно смотрел на друга. – В твоём лице мы сделали крайне ценное приобретение, – сказал он. – Жаль у нас нет сестры, мы бы ее за тебя выдали, твои успехи по службе очевидны.

– Хочешь, мы за тебя Федьку выдадим? – съязвил Алехан.

– Что за грязные намеки? – Младший Орлов подхватил полено и под дружный хохот остальных пустился по двору за Алексеем.

Глава 5. Като

Дождь лил как из ведра. Тугие струи хлестали по железной крыше Кунсткамеры так, словно собирались выпороть здание. Грозы в начале осени не часты, а в сырых чухонских болотах, где деревья желтеют едва ли не в августе, – настоящая редкость. Небо сеет и сеет мелкой изморозью, но настоящих бурь с молниями и сполохами почти нет.

Братьям-каменщикам пришлось дожидаться своего часа несколько недель. А когда гром грянул, побросать все дела и устремиться на «тайную вечерю» под открытым небом. Слава Создателю, ломаная крыша Кунсткамеры далеко не везде была покатою, и потоки воды, с гулом катившиеся по ее рифленой спине, кое-где не могли сбить каменщиков с ног. Иван Иванович не без сарказма оглядывался вокруг себя. Сегодня он сполна получил с братьев моральную сатисфакцию за унижение тайнами в доме покойника Брюса. Ведь после встречи с Яковом Вилимовичем фаворит не мог бы даже с уверенностью сказать, что видел старика. Хотя пентакль из таинственного белого металла и мятая салфетка должны были служить подтверждением духовного контакта.

Сейчас Шувалов в глубине души похихикивал над братьями-каменщиками, с такой серьезностью исполнявшими под проливным дождем ритуал вопрошения о будущем. Подумать только – двенадцать знатнейших вельмож, людей не молодых и довольно тучных – взобрались ночью, в грозу на крышу одного из самых высоких зданий столицы и мокрые до нитки выплясывали папуасский танец вокруг двух отрезанных голов.

Достать колбы оказалось не таким уж простым делом. Смотрителю дали на водку и отправили спать, от греха подальше. Но разобраться без него, в каком шкафу с заспиртованными уродцами находятся заветные головы, было нелегко. Иван Иванович смутно помнил про шестой то ли справа, то ли слева от кабинета натуральной истории. Но вот вопрос: какую из комнат, захламленных чучелами крокодилов, летучих мышей и ящериц, считать «кабинетом»? А какая – так, подсобное помещение? В результате братья, непривыкшие дома и соринку с полу поднимать своими руками, вынуждены были на время заткнуть свою спесь за пояс и хорошенько порыться в пыльных, затянутых паутиной шкафах.

Роман Воронцов первым обнаружил колбы.

– Те – не те? – пропыхтел он, с трудом разгибаясь и отирая мутное стекло рукавом. – Вроде они. Мужик и баба.

Собравшиеся сгрудились вокруг находки. Из желтоватого старого раствора на них невидящими глазами смотрели две человеческие головы. Иссине-бледные, с водянисто-белой кожей и пепельно-серыми губами. Зрелище было не из приятных. Мурашки прошли у Шувалова по спине. Его двоюродный брат Александр перекрестился.

– П-поневоле об-брадуешься, что П-петр Л-ликсеич п-помер.

– Ваша правда, – протянул канцлер. – Чего только не придумывал, зубодер проклятый, мать его в душу.

Все с осуждением посмотрели на Михаила Воронцова, но канцлер не смутился.

– Потацили их, – скомандовал он. – Силы небесные, и за что так мучаемся?

«За Рассею-матушку, – не без сарказма подумал фаворит, продолжая разглядывать головы несчастных. – Красивые люди. Даже слишком. Такие долго не живут».

Вилим Монс, брат первой фаворитки Петра – Анны, был казнен по обвинению в государственной измене. Царю донесли, будто он слишком часто задерживается по вечерам в покоях Ее Величества. И хотя бедняга все отрицал на следствии, преобразователь велел отрезать ему не только голову. Оба предмета были заспиртованы и поставлены на стол в комнате императрицы. Как уж она там ела, неизвестно.

Что касается Марии Гамильтон, то и она наследила в личной жизни великого реформатора. Себе государь позволял многое. Однако, узнав о ее связях с французской разведкой, приказал казнить даму сердца и при всем честном народе, взобравшись на эшафот и подняв голову за волосы, пояснял простодушным россиянам, как устроена внутри человеческая шея.

С детства наслушавшись подобных историй, Шувалов давно перестал уважать Петра. Не человек он был вовсе. А если и человек, то какой-то странный. То ли без сердца, то ли без головы. Одна голая сила. И этой силой царь так закрутил страну, что хлебать не расхлебать кровавого варева на сотню лет вперед. Вряд ли из собравшихся сегодня в Кунсткамере братьев нашелся бы хоть кто-то, кто этого не понимал.

На крыше вольных каменщиков сдувало сильными порывами ветра. Обнаружив более или менее ровное место за часами, все двенадцать выстроились в круг и сцепили руки. Колбы были поставлены в середине. Между ними Иван Иванович положил пентакль. Оставалось ждать, пока молния шибанет в него, на что надежды было мало, потому что часовая башенка экранировала.

Однако опасения оказались напрасны. Металл пентакля притягивал электрические разряды. Он светился в темноте, и даже сквозь плотные струи дождя Шувалов видел, как вспыхивает его неестественно белый глаз. Не успели каменщики совершить двенадцатый круг по часовой стрелке вокруг колб с головами, как сильнейший удар молнии сотряс здание. Казалось, Кунсткамера должна развалиться на куски, но, открыв глаза, люди обнаружили, что дом стоит на месте, а вот с головами творится нечто странное.

Синевато-зеленое сияние исходило от пенкаля. Он приподнялся в воздухе на локоть выше колб, и из него к ним тянулись длинные светящиеся корни, заставлявшие склянки гореть безжизненным электрическим светом. Вместе все три предмета образовывали магический треугольник, и в нем... мертвые головы жили, двигались, смаргивали спирт со слипшихся ресниц и шевелили губами.

Это зрелище пригнуло собравшихся к крыше сильнее любого дождя с громом и молниями. Никто не отваживался подняться на ноги. В этот момент Иван Иванович заметил, что на салфетке, которую он предусмотрительно вынул из кармана, расплываются темные пятна. Нацарапанные Брюсом иероглифы обретали цвет, превращались в обычные буквы...

– Скажите нам, благородные терафимы, – начал фаворит, машинально повторяя написанное, – кто станет следующим местоблюстителем российского императорского трона...

«Местоблюстителем? Вот это новость! – успел подумать Шувалов. – Разве государи надевают корону не по праву?»

– ...в ожидании прихода Царя Мира? – дочитал он текст до конца.

«Ага, – хмыкнул фаворит. – Доигрались! Мы ждем Мессию. Машиах пришел...»

Головы несколько мгновений переваривали сказанное – все-таки это были лишь электрические игрушки и ждать от них быстроты реакции не приходилось – а потом затараторили.

– Мужчина, – сказал Вилим, с вызовом глядя на свою соседку.

– Женщина! – взвизгнула Мария Гамильтон.

– Мужчина! – повысил голос Монс.

– А я говорю, женщина. – Гамильтон сверкнула выцветшими глазами.

– Петр! – взвыл любимчик императрицы.

– Екатерина, – поджала губы фаворитка царя.

«О чем они? – мучительно соображал Шувалов. – Может, у них мозги испортились? Болтают о своих временах. Тогда так и было. Сначала Петр. Потом Екатерина».

– Петр!

– Екатерина!

– Мужчина!

– Женщина! – доносилось из колб.

Все собравшиеся стояли в замешательстве. Страх, а с ним и торжественность момента пропали.

«Чертова рухлядь! – думал Шувалов. – Если они и раньше так предсказывали будущее, то не удивительно, что у нас чехарда на престоле...»

– Мужчина!

– Женщина! – разорялись головы.

– Шлюха!

– Неуч!

– Тихо!!! – в голос закричал на них Роман Воронцов. У него первого не выдержали нервы. – Отвечайте, а то вышвырнем из колб.

Головы захлебнулись и обиженно уставились на него.

– Сначала Мужчина, потом Женщина, – презрительно процедил Монс.

– Согласна, – пискнула Гамильтон. – Мужчина недолго. Женщина до конца века.

– Согласен, – кивнул Вилим, и оба замолчали.

Свет погас.

Иван Иванович долго шарил по крыше в поисках пентакля. Но ни его, ни салфетки с письменами не было. Последнюю мог унести ветер. Что же касается металлического предмета, Шувалов решил, что он вернулся к своему прежнему хозяину. «Хорошо, что в следующий раз, когда придется вопрошать о судьбе престола, к Брюсу поеду уже не я, – с облегчением думал фаворит. – Смерть дает некоторые преимущества... И все же, о какой женщине так спорили головы?»

«Сорвалась с полонеза вприсядку», – думала графиня Брюс, спускаясь по желтой мраморной лестнице Летнего дворца. Ей хотелось выйти в сад и проветриться. Прасковья Александровна считала себя виновницей случившегося. Нет, ей и в голову не приходило, что Като может надолго связаться с этой гвардейской сволочью. Она хотела просто развлечь подругу. Только и всего!

В начале осени часто собирались к обеду у великого князя. Возле Царского Села были разбиты лагерь. Однажды в громадной зеленой палатке Петр Федорович закатил трапезу на сорок персон. Завесы у входа не опускали. Его Высочество и голштинские генералы сильно курили. Порывы ветра выносили клубы сизого дыма вон.

«Где он берет такой мерзкий дешевый табак?» – думала Прасковья Александровна, у которой сразу же разболелась голова. Разговор шел по-немецки, и она часто теряла нить беседы.

– Я с трудом понимаю, о чем речь, – шепнула ей графиня Нарышкина.

– Терпите, душенька. – Брюс сделала над собой усилие и улыбнулась. – К счастью, вы достаточно хорошенькая, чтобы позволить себе ничего не смыслить.

– Говорят, у него даже генералы из прусских сапожников, хорошо, если из унтер-офицеров, – тихо заметила Нарышкина, бросив неприязненный взгляд на наследника.

– Кто говорит?

Графиня побледнела.

– О нет. Вы напрасно так подумали. Лева никогда не мог бы сказать такого. Я слышала это от...

«Глупая гусыня. Научилась бы хоть язык держать за зубами, – вздохнула Брюс. – Болтает где попало, а потом спохватывается, что с ее мужем могут поступить круто. Да и подделом, будет знать, чего при жене брякать».

– Что-то я не вижу за столом великой княгини, – сказала графиня, чтоб переменить тему разговора. – Да и Понятовский какой-то хмурый, ничего не ест. Вы не находите?

– Ой, что вы, – зашептала Нарышкина. – К счастью для себя, вы опоздали и не видели этой стыдобы. Ее Высочество выбежала в слезах.

– А что такое? – встревожилась Брюс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.